

Олег Дивов

ЛУЧШИЙ ЭКИПАЖ СОЛНЕЧНОЙ

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Олег Игоревич Дивов
Лучший экипаж Солнечной
Серия «Новый Дивов»

Авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=118795

Лучший экипаж Солнечной: Эксмо; М.; 2007

ISBN 978-5-699-20057-3

Аннотация

Вашему вниманию предлагается новейшая авторская редакция романа, которую писатель считает окончательной.

Боевые суда замерли на орбите. Военные астронавты победившей Земли ждут решения своей судьбы. Сначала они считались героями, потом родная планета прокляла их, как безжалостных убийц. Выйдя из горнила межпланетной войны, они и не подозревали, что самые жестокие испытания еще впереди. Им надоело стрелять, но это единственное, что они умеют делать хорошо. Рано или поздно команда «К бою!» раздастся снова...

Содержание

От автора и Нострадамуса	4
Лучший экипаж Солнечной	8
Часть первая. Над землей.	8
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Олег Игоревич Дивов

Лучший экипаж Солнечной

От автора и Нострадамуса

Так получилось, что герои этой книги почти не говорят по-нашему. Те немногие их слова, которые все-таки звучат на ломаном русском, я выделил латиницей. На мой взгляд, разумнее всего воспринимать язык «Экипажа», как очень вольный (а местами и фривольный) перевод с английского, французского и немецкого. Иногда уже по контексту можно догадаться, когда именно люди перешли на французский, чтобы подчеркнуть обращение на «ты». А употребляемые ими эпитеты, как правило, хорошо нам знакомы, поскольку английские. Конечно, русское сквернословие на слух куда веселее (а главное – сквернее). Признаться, концепция «переводной книги» родилась у меня именно в тот момент, когда за одной яркой сценой я вдруг разглядел всего-навсего унылое fuck you, произнесенное раз десять кряду.

Кому-то может показаться странным, что я не перевел все без исключения англоязычные термины. Но тут автор сам загнал себя в ловушку. Ведь контр-адмирал это при любых обстоятельствах «задний адмирал», и ничего больше. А вот командер далеко не всегда командир, и даже куда реже ко-

мандир, нежели командер. Спирт, который пьют герои, он и в Африке спирт. Но когда персонажи разливают нечто, обобщенно поименованное «самогон», то в реальности это каждый раз что-то новенькое. Пару-тройку слов автор на беду свою просто выдумал. Какая жуткая вещь мегадестроер, я догадался лишь когда увидел эту штуку в бою. Признаюсь, был слегка ошарашен.

Сомнительную ценность для читателя, слабо знакомого с фантастикой, имеют и дорогие мне имена. Лейтенанта Хелен Рипли многие у нас знают, можно сказать, как родную. Некоторые даже в нее влюблены. Но, допустим, с Локом фон Реем дружны не все. И не каждый сразу поймет, что «Лучший экипаж Солнечной» – низкий поклон милитаристской спейс-опере, оммаж, книжка с картинками. Короче говоря, закончив роман, я набросал к нему именной указатель. А потом еще и небольшой словарь. И если не дает покоя вопрос, что за звери такие «круизер» и «бэттлшип», чем известен Г.Роканнон и страшен Шворц, и где же в конце концов нашла приют «синагога бесплодная» – смело ныряйте в приложение. Никаких секретов.

Еще меньший секрет, откуда взялась такая банальная трактовка будущего Земли. Признаюсь – не сам выдумал. Меня вообще ДЕТАЛИ нашего «завтра» волнуют мало. Основные мои претензии на этот счет укладываются во фразу «лишь бы не было войны». Те из читателей, у кого над головой хоть раз пролетала фугаска в полтораста кило весом, та-

кую позицию, я думаю, в состоянии оценить. Скажу больше: прорисованное в этой книге будущее автору отвратительно. Но лучшего поля деятельности для интересных мне персонажей было просто не найти. Именно в кондовой «постхлокостной» ситуации эти характеры могли раскрыться ярче всего. Я хотел силой вырвать из них то лучшее, что они прятали где-то в глубине души.

Поэтому, не мудрствуя лукаво, я взял за основу самую популярную на сегодня расшифровку предсказаний Нострадамуса, опубликованную в 1963 году в Кёльне доктором Люстрио. Вам эта расшифровка знакома, как минимум, по газетным публикациям. Одна из самых завораживающих ее особенностей – указание (с точностью до месяца) срока, отпущенного Советской Империи. Посему наши журналисты полюбили доктора Люстрио куда больше прочих толкователей пророческих центурий, и довольно мощно отрекламировали именно его труд. При этом упорно замалчивался тот факт, что если верить Нострадамусу в трактовке Люстрио, то некто Генрих Счастливый родился 21 января 1981 года, а значит, братоубийственная война в Европе, на Средиземноморье и в зоне Персидского залива, в которой Генрих победит, уже не за горами.

Эта война коснется России только краем и принесет за собой 57 лет прочного мира для всех. Но в XXII веке она начнется по новой, что особенно интересно – на той же основе, религиозной и этнической. И судя по географии боевых

действий, русским придется туго.

Осознав это, я поиграл с датами, слив две войны в одну, и отнеся на триста лет вперед другую – ограниченный Апокалипсис, еще не смертельный, но такой, после которого жить по-старому уже не получится. Жить нужно будет умно и расчетливо. Осторожно, чтобы не дай Бог опять...

Удивительно, но смоделированное мной по указке Нострадамуса битое-перебитое человечество, став умным, расчетливым и осторожным, снова развязало войну. Только уже межпланетную.

Эта война родила своих героев. Точнее, моих героев. Даже неприятно их так называть, потому что они терпеть не могут слово «герой». Надеюсь, вы поймете их.

Искренне Ваш Олег Дивов.

1998 г.

Лучший экипаж Солнечной

*Они были не к месту и не ко времени.
Естественно, что они стали героями.
Принцесса Лея.*

Часть первая. Над землей.

Из одежды на дежурном навигаторе Иве Кендалл имелись только боевой спецкостюм и ниточка от тампакса. В принципе, рабочую форму военного астронавта даже рекомендуется надевать иногда на голое тело. Лучше чувствуешь, как работают усилители. Спецкостюм в некоторой степени оружие, и эффективно пользоваться им учатся годами. Еще в спецкостюме нельзя выходить за ворота наземных баз. Иначе, вздумай ты дать кому-нибудь в лоб, у противника отвалится голова, а тебе нужен будет протез кисти.

С пристегнутыми ботинками костюм мгновенно превращается в скафандр – стоит только поднять капюшон и опустить маску. Ботинки Ива сунула под свой пульт. Астронавты любят на работе ходить босиком. Во-первых, пол на корабле стерильный, слегка подогретый и очень приятный на ощупь. Во-вторых, ботинки страшно тяжелые. В-третьих, шляться по кораблю разутым категорически запрещено.

Но когда на судне такой бардак, что за его подвижность отвечает женщина, у которой месячные начнутся с минуты на минуту, сидеть на посту можно хоть нагишом.

По сравнению с тем, что бомбардир Фокс третьего дня сломал нос старшему технику, это вообще не будет считаться за проступок.

Тем более, в сейфе оперативного штаба нашли канистру самогона.

И контроль отражателей барахлит.

А на дне рекреационного бассейна какой-то самородок очень реалистично нарисовал активной краской двухметровый фаллос. Краска намертво въелась в покрытие, а бассейн такой здоровый, что выбрасывается только вместе с кораблем. И замазать безобразие невозможно: сквозь другой цвет активная краска мигом просочится, а в бассейне с радикально красным дном беззаботно плещутся только утопленники.

Под давлением таких печальных обстоятельств старпом Боровский, который еще полгода назад скорее удавился бы, чем поставил на дежурство женщину в критические дни, только сказал: «Ты, Кенди, поаккуратнее, да?». А Кенди именно одного дежурства в этом месяце не хватало, чтобы в платежной ведомости нарисовался лишний нолик.

Кенди-Конфетка в списках группы F значится как мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл. Ей тридцать лет, она стриженная под мальчика зеленоглазая блондинка и прекрасно водит корабли. На парадном кителе у нее

две Летучих Медали, Офигенный Лётный Крест и очень редкая для астронавта награда: Пурпурное Сердце. Это вещь настолько серьезная, что острословы так и не выдумали, как ее обозвать. Военный астронавт редко бывает ранен. Он, как правило, сразу оказывается убит. И не столько наповал, сколько вдребезги, а то и в клочья. Потому что с дыркой в обшивке жить и воевать можно. А вот с дыркой в обшивке и дыркой в спецкостюме – это вряд ли. Это, как любит говорить адмирал Рашен, стопроцентный pizdets.

Во всей группе F кавалеров Пурпурного Сердца – трое. И все ходят на флагмане. Трехзвездный адмирал Рашен, он же командир «Тушканчика», его старпом командер¹ Жан-Поль Боровский и мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл.

Рашен получил Сердце в незапамятные времена, когда был по званию едва-едва капитаном и гордого прозвища «Рашен» еще не носил. Кто-то там в него стрелял. Ну и Рашен тоже кого-то шлепнул. А вот Боровский и Кенди схлопотали по медали вместе, три года назад, за вторую марсианскую кампанию. Они в составе призовой команды вели на базу трофейный бэттлшип «Энтерпрайз» и едва не стали жертвами диверсии. Здоровенная дура размером с Фобос неожиданно взбрыкнула и так об этот самый Фобос приложилась, что пришлось ее списать на металлолом. Боровский в момент рывка уже отстегнулся и стоял на ногах. Старпома раз-

¹ *Командер* (здесь) – капитан третьего ранга.

мазало по стене, и в таранном ударе о спутник он участвовал пассивно, валяясь без сознания. А Кенди боролась за корабль до последней секунды, умудрилась перевести удар из лобового в скользящий, и все было бы ничего, но у ее кресла лопнула консоль. Три ребра Кенди оставила на краю пульта управления и тридцать зубов – в маске спецкостюма. Заработала на память шрам под левой грудью, белоснежные зубы за счет Адмиралтейства и медаль. И еще, говорят, сам Рашен ее на руках нес и чуть не плакал. Только из этого Кенди удовольствия не извлекла, поскольку уже отдавала концы, и явился ей некто весь белый и пушистый. Так бы он ее и увел к себе, если бы не гениальный спецкостюм и не отчаянный Рашен. Спецкостюм не дал Кенди мгновенно помереть от ударной деформации. А Рашен привел «Тушканчик» к Фобосу с такими бешеными перегрузками, что у него потом вся команда еще неделю ходила, пошатываясь. Кстати, сам адмирал перегрузку «держит» плохо. Не мальчик уже, сорок шесть мужику. Но пожалей он себя и опоздай на полчаса – был бы у Кенди красивый орден посмертно.

А теперь и война кончилась, и дежурство можно нести бо-сиком и без трусов, старшие офицеры лупят друг друга по морде, как сопливые курсанты, а в бассейне кто-то член нарисовал. Адмирал уехал вниз на совещание. Единственное позитивное событие – то, что над контролем отражателей колдует новый старший техник. Очень красивый мужик по фамилии Вернер. Такое у него лицо... Кошачье. «Зовите ме-

ня просто Энди, капитан». – «А вы будете звать меня Кенди, лейтенант? Энди и Кенди. А?». – «Извините, капитан, я, кажется, допустил бестактность». – «Не берите в голову, лейтенант. Я просто хотела тонко намекнуть, что вы еще не свой на „Тушканчике“. Получилось?». – «Получилось, капитан. Принял к сведению. Не сочтите за труд, отрубите питание вот здесь». – «Запросто... Энди». – «Спасибо, капитан».

Держится как ветеран. Лет примерно тридцать пять. Должен быть минимум ь капитаном, но всего лишь лейтенант. А на груди планка. Одна-единственная медаль. Четвертое на «Тушканчике» Пурпурное Сердце.

Ива рассеянно перелистнула на своем терминале несколько страниц женского романа (еще одно злостное служебное нарушение) и отвернулась к большому, во всю стену, обзорному экрану. В боевой рубке экран такой, что дух захватывает. А здесь, в ходовой, просто большой.

«Тушканчик» летел над Россией. Внизу не было огней, и легендарная страна выглядела с орбиты пугающей в своей безбрежности черной дырой.

В углу Вернер одной рукой выбивал команды на «доске» мобильного терминала, а другой перебрасывал контакты. Работал он красиво и явно с удовольствием. А еще красивее было то, как при каждом повороте головы скакал у него с плеча на плечо длинный, чуть не до лопаток, коричневый хвост, схваченный на затылке резинкой с кожаным черным бантиком. Волосы у Энди просто обалденные. Блестящие и

холеные. Ива невольно залюбовалась ими, с сожалением подергала себя за челку и застыла, пораженная догадкой. На «Тушканчике» почти все мужики, едва война кончилась, начали отращивать такие же хвосты по моде средневековых аристократов. В знак протеста: мол вы решили армию распустить, а мы тогда будем ходить обросшие и небритые. Но пока что хвостики у ребят были куцые. А вот Энди... Оказывается, мастер-техник лейтенант Вернер очень давно не был в космосе. Как минимум – на боевых судах.

Ива как раз примерялась задать Вернеру какой-нибудь хитрый провокационный вопрос, когда в боевую рубку, шлепая босыми ногами, вошла Линда.

– Здорово, мать! – провозгласила она с порога. – Как жизнь половая?!

В отличие от Ивы, Линда сейчас не дежурила, но тем не менее, оказалась в трусах. Правда, больше на ней не было совершенно ничего. Вернер бросил на Линду косой взгляд, неожиданно смутился и нырнул в свою машинерию аж по пояс.

– Жизнь нормально, – ответила Ива, исподволь разглядывая Линду и прислушиваясь к странным ощущениям внутри. У Ивы не было гомосексуального опыта, и она не хотела признаться себе, что крупная и сильная белокурая Линда волнует ее. Ива вдруг представила, как эта тяжелая полная грудь с коричневыми сосками ложится ей на живот, большой жадный рот по очереди заглатывает целиком ее малень-

кие острые груди, сильная рука широко раздвигает колени, и властные пальцы ударом, толчком входят в нее... Чтобы отогнать видение, пришлось зажмуриться и помотать головой. Конечно, в реальности ничего подобного случиться не могло, да Ива этого и не хотела. Но от Линды сейчас шла такая мощная волна сексуальных эмоций, что не поддаться ее настроению было просто невозможно.

– Ты чего морщишься? – спросила Линда. – Нездоровится?

– Да нет, – отмахнулась Ива. – Первый день. Грудь побаливает и вообще...

– А-а... Соболезную. Прими таблеточку.

– Уже. Ты-то как, подруга?

– Мне таблетками не поможешь, – заявила подруга. – Вниз пора. Трахаться.

Вернер, который в этот момент осторожно выползал, пятясь, из недр контрольного пульта, крепко стукнулся затылком и что-то неразборчиво буркнул. Линда хищно уставилась на его ягодицы и машинально почесала зад.

– Ну потерпи недельку, – сочувственно вздохнула Ива. Они были с Линдой в одной смене и через восемь дней отправлялись вниз, то есть на Землю, на отдых и тренировочные курсы. В мирное время служба на кораблях группы F шла двухнедельными циклами. Четырнадцать дней наверху, сутки на пересменку и тринадцать дней внизу. И наверху было, по большей части, не до мыслей о сексе. Да и модель от-

ношений между астронавтами исторически сложилась не та. Экипаж – семья. Братья и сестры. Все друг друга любят, берегут, пылинки сдувают. Безобразия на судах группы F стали отмечаться совсем недавно. Армия переживала глубочайший кризис, и людям приходилось нелегко.

– Через недельку как раз у меня месячные начнутся, – объяснила Линда. – Ну ладно, подруга. Вижу я, ты в порядке. Неси службу. Пойду, что ли, изнасилую кого-нибудь... – она крепко хлопнула Иву по плечу, цыкнула зубом в сторону притихшего в углу Вернера и, демонстративно вихля бедрами, покинула рубку. Вернер уткнулся носом в монитор и деловито застучал по «доске». Ива любовалась его прической. Потом вдалеке Линда заорала: «Здорово, отец! Как жизнь половая?!». Раздался хохот и звучные шлепки по голому телу.

– Насколько я знаю, на круизерах положен по штатному расписанию психолог, – сказал вдруг, не отрываясь от работы, Вернер.

– Он только что был здесь, – ответила Ива равнодушно.

Вернер обернулся и поглядел на Иву в легком изумлении. Ива заметила, какие у него красивые глаза, и потупилась.

– Однако! – пробурчал Вернер.

– Она с нами всю вторую марсианскую кампанию прошла, – заметила Ива. – Ей буквально цены нет. Между прочим, Линда капитан.

– Кстати о второй марсианской, – сменил тему Вернер. –

Я все хотел спросить... Откуда у вас Пурпурное Сердце, капитан?

– Воевала, – ответила Ива неожиданно сухим тоном. Ей даже стало немного стыдно. – А у вас, лейтенант?

– Болел, – отрезал Вернер и вернулся к работе.

«Обиделся, – подумала Ива. – Ну и дурак». Она снова отвернулась к экрану. В поле зрения показалась чудовищная туша висящего на геостационарной орбите мегадестрора «Джон Гордон». Ярко-белую букву F, красующуюся на его необъятном черном брюхе, снизу можно было разглядеть в бинокль. С помощью этой буквы «Гордон» выполнял значительную часть своей работы: напоминал, кто в мире хозяин. Увы, марсианские колонисты в своей безумной гордыне позабыли, что имея бомбер над головой, лучше быть смиренными и послушными. А потом их пример заразил Венеру. И тогда бомберы перестали запугивать и начали бомбить.

Маленький «Тушканчик» на фоне «Гордона» выглядел этаким блохой. Но только выглядел. Потому что на «Тушканчике» (он же «Муад-Диб», он же «наш Махди», а то и просто «старина Пол») держал флаг командир группы F адмирал Рашен. А сам «Тушканчик» значился в реестре Адмиралтейства как круизер серии 100 «Пол Атридес».

По идее, Рашен должен был ходить именно на «Гордоне» или на другой аналогичной дуре серии 105. Но после одного прискорбного инцидента Рашен поклялся до пенсии летать на круизере, а слово его было крепко. Поэтому на «Гор-

доне» разместился контр-адмирал Задница со своим раздутым штатом планировщиков, аналитиков и прочих штабных писарей. А Рашен скакал на «Тушканчике» с его тесными каютами, минимумом удобств, небольшим экипажем – и не жаловался. Корабль, приспособленный ко входу в атмосферу, его вполне устраивал. Однажды такой круизер, «Лок фон Рей», спас ему жизнь. Это случилось еще в первую марсианскую кампанию, Рашен был капитаном, и на «фон Рее» он нырнул в Юпитер.

Дежурная смена тогда проворонила врага. Тот самый злощастный бэттлшип «Энтерпрайз», на котором Ива билась о Фобос, и который хронически всю войну переходил из рук в руки, зажал «фон Рея» на траверзе Юпитера. Обложил самоходными минами, выпустил целое крыло² фэйтеров на перехват, отжал к поверхности и начал расстреливать. Деваться было некуда. Рашен спикировал в атмосферу и тонул в ней до тех пор, пока висящие у него на хвосте фэйтеры не начали плющить, как консервные банки. Месяц «фон Рей», кряхтя и стеноя, провисел в жуткой пузырящейся каше, под многократной перегрузкой и на пределе своей прочности. Корабль пытку выдержал. Но здорово поломался экипаж. Того и гляди тебя раздавит, ты лежишь в полуобморочном состоянии и едва-едва дышишь, а где-то наверху барражирует здоровенный бэттлшип. И так день за днем. Относительно нормальными людьми вышла из этой передряги от силы дюжина, во

² Крыло (здесь) – дивизион, усиленный дивизион, реже малая эскадра.

главе, разумеется, с несгибаемым Рашеном. Тех, кто начал трогаться рассудком, доктор накачивал депрессантами и заставлял уснуть. Сам доктор на двадцать восьмые сутки застрелился, потому что медикаменты у него вышли, а психика тоже истощилась, и он решил, что больше никому здесь не нужен. А на тридцатый день «фон Рей» всплыл, как субмарина, шарахнул «Энтерпрайзу» по отражателям и к чертовой матери все их разнес. Обошел потерявшую ход махину по широкой дуге и рванул на базу. Рашен сдал в психушку экипаж, получил звание командера, Медаль за Наглость и новенький, с иголки, «Эрик Джон Старк», систершип «Гордона». Но у Рашена после Юпитера в одночасье поседел виски. И на мегадестроер он не пошел. Потому что этот корабль мог сделать непригодной для жизни планету земного типа, но был не в состоянии войти в сколько-нибудь плотную атмосферу. А зачем нужны плотные атмосферы, Рашен сам уяснил и другим рассказал.

Кроме того, он совершенно не хотел бомбить сепаратистов. Основной специальностью Рашена был космический бой, он атаковал, разрушал и захватывал корабли повстанцев. А мегадестроеры работали из космоса по поверхности, не разбирая, где там внизу армия ползает, а где просто люди живут. Так что какая слава его ждет, прими он «Старка», Рашен очень точно вычислил.

И тогда начальник Рашена адмирал Кёниг повысил на него голос. При свидетелях он произнес свою историческую

речь, в которой раз десять кряду прозвучало: «Ах ты, русский наглец». И при тех же свидетелях Рашен ему ответил. «Все правильно, – сказал он. – Не отрицаю, что я наглец. И не отрицаю, что русский. Более того, горжусь своей русской кровью. И как русский офицер, заявляю: я всегда дрался по законам чести и буду поступать так и впредь. Дайте мне хороший корабль и отправьте сбивать плохие суда. А на этой huevine ходите сами. И бомбите, сколько влезет. А если вам не нравится чье-то происхождение, то во-первых, это не по уставу, а во-вторых, просто неприлично. И впредь, господин адмирал, забудьте мое настоящее имя. Зовите просто – командер Рашен. Очень меня обяжете».

Кёниг схватился для начала за сердце, а потом за пистолет. Рашен был в спецкостюме и как раз уже примерился дать начальнику по морде, что кончилось бы плачевно, но тут вмешался адмирал флота, покойный Хантер.

«Отстань от парня, Гуннар, – приказал он. – Ты неправ. А вы, командер, встаньте смирно. В рамочках держитесь, ясно? Значит, так. Сейчас заканчивают ходовые испытания на еще одном „сотом“. Для себя готовил. А отдаю вам. Звать корабль „Пол Атридес“. Имя обязывает. На таком судне дурака валять нельзя. Так что идите и готовьтесь его принять, а заодно возьмете под начало все силы прикрытия группы F. И сколотите мне из них такое крыло, чтоб ни одна марсианская сволочь от поверхности не отлипла. И если через месяц хоть одна краснозадая посудина будет летать, я вас разжалую

и посажу. Все ясно?»

«Так точно, господин адмирал флота, – отчеканил Рашен. – Разрешите доложить. Одна сволочь летать будет. Но плохо и недалеко».

«Это какая же?» – удивился Хантер.

«А „Энтерпрайз“» – напомнил Рашен. Тут Хантер заржал и смеялся долго, наливаясь краской и хлопая себя ладонями по коленям.

«Ладно, – сказал он, отсмеявшись. – „Энтерпрайз“ пусть летает пока. Не до него. А теперь вы идите и воюйте хорошо... командер Рашен».

Так Рашен приобрел свое прозвище, которое приклеилось к нему накрепко. А «Энтерпрайз» доковылял до Марса только к самому концу войны и прибыл на орбиту донельзя лояльный, с запертыми в карцере офицерами и весь обляпанный демаскирующей белой краской. Некоторое время он ходил под земным флагом, его даже собирались переименовать по-человечески. Потом решили, что судно морально устарело, отказались от капремонта и решили толкнуть на вторичном рынке. Но коммерсанты «Энтерпрайз» не взяли: на корабле с такой потрепанной ходовой частью оказалось нерентабельным возить даже мусор. Тогда разоруженный бэттлшип вернули марсианам, которые умудрились-таки его залапать и поставили новые пушки. В самом начале второй кампании «Энтерпрайз» захватила диверсионная группа землян и отогнала на Венеру. Как выяснилось, зря. Венериане про-

возгласили суверенитет и долго еще пугали этим кораблем Землю. Затем «Энтерпрайз» у них отбили, позорно сдали марсианам, еще какое-то время он воевал в поясе астероидов, пока не столкнулся во второй раз с войсками Рашена, и не принужден был сдаться. Оставленный повстанцами хитрый компьютерный вирус сыграл злую шутку с мастер-навигатором Иветтой Кендалл, и на этом история «Энтерпрайза» завершилась...

«Тушканчик» прошел над «Гордоном» в сотне километров, и громадная машина смерти бросила Иве на терминал дежурное ОК. Компьютер сам дал подтверждение – молодцы, несите службу, – и на этом обмен любезностями завершился. А в боевую рубку в окружении клубов сизого дыма ввалился Фокс. Из рта у него торчала квадратная в сечении гавана внушительной длины. Под левым глазом бомбардира красовался фиолетовый синяк. И ботинки он, разумеется, где-то позабыл.

– Привет, Конфетка! – промычал Фокс, вынул сигару изо рта и подошел к Иве. – Дай-ка я тебя, солнышко, облизну!

Ива засмеялась, позволила Фоксу отечески чмокнуть себя в макушку и в ответ потрепала по толстой щеке. За последние несколько месяцев склонного к полноте Фокса здорово разнесло. Комбинезон на нем так и топорщился.

Должность у Фокса была «старший эксперт по огневой работе». Поэтому иначе как бомбардиром его никто не называл.

– Салют, Андрэ! Как самочувствие? – спросил Фокс у Вернера. Эту фразу он произнес по-французски, чтобы подчеркнуть обращение на «ты». Ива удивленно подняла брови. Ей и в голову не приходило, что Вернера на «Тушканчике» кто-то может давно и хорошо знать.

– Спасибо, Мишель, порядок, – бросил через плечо Вернер. – А ты почему все еще с синяком?

– Я его ношу, как орден, – гордо ответил Фокс. – Ну, что там у «старика Пола» с отражателями?

– Похоже, заводской брак в одном блоке. Ничего серьезного. А тебе-то что? Наше дело рулить, твое дело бомбить... Меньше хода – прицел четче.

– Мне до всего есть дело, – сообщил Фокс. – Я «старика Пола» люблю всем сердцем. Меня беспокоит любая мелочь. Даже то, что у нашей Линды сексуальный психоз. Конфетка, у тебя был когда-нибудь сексуальный психоз? Кстати, ребята, какая из вас получится классная пара! Энди и Кенди!

Ива поманила Фокса пальцем, и когда тот к ней нагнулся, крепко схватила за нос.

– Ой, де дадо! – взвыл бомбардир. – Я больше де буду!

– Так его, болтуна... – одобрил экзекуцию Вернер.

Ива отпустила нос бомбардира и взяла Фокса за воротник, чтобы не сбежал.

– Ты откуда его знаешь, Майк? – прошипела она Фоксу на ухо.

– А что? – шепотом удивился Фокс, растирая покраснев-

ший нос. – Энди ходил на «фон Рее». Мы оба из первого экипажа Рашена. Только меня перед самым Юпитером загнали на переподготовку. А Энди... Видела у него планку Сердца? Вот так-то.

– А-а... – протянула Ива многозначительно, ничего толком не поняв.

Фокс распрямылся, воткнул сигару в угол рта и упер руки в бока.

– На «Тушканчике» теперь просто уникальный экипаж, – сказал он в полный голос. – Целых четыре Пурпурных Сердца и аж двое русских. Про нас еще песни сложат. И легенды.

– А кто второй русский? – удивилась Ива.

– Да вон! – Фокс указал сигарой в сторону Вернера.

– Слушайте, Эндрю, он это серьезно? – не поверила Ива.

Вернер чем-то звонко щелкнул, с довольным видом подбросил на ладони дефектный блок и задвинул на место контрольную панель. Небрежно швырнул блок в сумку с инструментами, уселся на кресло верхом, сложил руки на спинке и опустил на них подбородок. И посмотрел Иве прямо в глаза, да так, что она впала в окончательное замешательство.

– А почему бы и нет? – спросил он.

– А-а... – в очередной раз сказала Ива.

– А фамилия у него такая для маскировки, – объяснил Фокс. – Чтобы не приставали.

– Трепло, – усмехнулся Вернер. – Вы не слушайте Майка, капитан. Фамилия у меня родная. Предки мои были из об-

русевших немцев. И жили Вернеры в России начиная с семнадцатого века и вплоть до самой Заварухи. И потом тоже скрещивались только с чистокровными русскими. Так что я русский на сто процентов. Как адмирал Рашен.

– Кстати, у Рашена тоже имя... – заметила Ива.

– Вполне русское, – не согласился Фокс. – Алекс Успен.

Чем тебе не нравится?

Вернер не удержался и прыснул.

– Что такое?! – возмутился Фокс. – Какого черта сегодня надо мной все издеваются?! Одна ненормальная за яйца хватает, другая за нос, теперь ты еще...

– Адмирала Рашена зовут Oleg Uspensky, – сказал Вернер.

– Быть не может, – отмахнулся сигарой Фокс. – Фамилии на «ский» все еврейские. Как у нашего Жан-Поля.

– Я могу показать тебе штатное расписание, – предложила Ива.

– Давайте-давайте, – кивнул Вернер. – А то сам не знает, с кем двадцать лет прослужил. Одни пушки на уме. Позорище какое, Майк.

– Да идите вы! – Фокс обиженно надулся.

– Секундное дело, – Ива положила руку на контакты своего терминала. – Сейчас мы его фактами прижмем. Пока Майкл и вам нос не сломал. Вы с ним поосторожнее, Эндрю. Он у нас тот еще задира.

– Ему не сломаешь, – хмыкнул Фокс и снова окутался клубами дыма. – Ну давай, не тяни, делай запрос. На что спо-

рим?

– Не будет запроса, – сказала Ива, глядя на монитор.левой рукой она выбила дробь на контактах, а правую сунула под пульт и вытащила ботинки.

– Ох, мама! – воскликнул Фокс. – Где моя обувь, вы, астронавты?! Никто не видел мои башмаки?! Куда же я их... – и опрометью выскочил в коридор, чуть не сбив с ног старпома Боровского.

Ива поспешно обувалась. Вернер со спокойной улыбкой смотрел, как на обзорном экране растет приближающийся адмиральский катер.

– О, Жан-Поль! – обрадовался в коридоре Фокс. – Ты ведь еврей?!

– Ну... – хмуро ответил Боровский.

– Фамилии на «ский» все еврейские, ведь так?

– Слушай ты, поц, – сказал Боровский. – Где твои ботинки?

– Виноват, – пробормотал Фокс и убежал по коридору.

Боровский вошел в рубку и остановился посередине, заложив руки за спину и покачиваясь с пятки на носок.

– Бар-р-дак! – прорычал он, ни к кому специально не обращаясь.

Вернер подобрал сумку и встал.

– Контроль отражателей в норме, – доложил он.

– А, – сказал Боровский, как будто только что заметил Вернера. – Здравствуйте, Эндрю. Хоть кто-то здесь в состо-

янии за что-то отвечать. И чего там было?

– Видимо, дефектный блок. Сейчас я его протестирую на своей машине, и тогда смогу дать полное заключение.

– На диверсию не похоже? – неожиданно спросил Боровский. Ива, услышав это, подпрыгнула в кресле и обернулась.

– Не похоже, – ответил Вернер, ощутимо понизив голос. – А что?

– Да так, – Боровский неопределенно шевельнул бровью. – Пришел снизу меморандум о профилактике саботажа. Это, конечно, совершенно не мое дело, но если бы меня спросили... М-да. Вот я и спрашиваю: не похоже?

– Знаете, командер, – сказал Вернер без тени юмора в голосе. – По-моему, в Адмиралтействе у кого-то поехала крыша. А вы – рады стараться.

– Ты сам-то когда из психушки вышел?! – окрысился Боровский.

– Да я там, может, и вовсе не был... – пробормотал Вернер обескураженно.

– А я – был, – веско сказал Боровский. – И многому научился. Поэтому я всегда помню, что на «сотках» до полутора тысяч деталей, отказ каждой из которых приводит к потере боеспособности корабля. А еще я помню, что на «Тушканчике» сто человек экипажа. И все основательно тронутые. Во главе с психологом, которая только что хватала меня за яйца. Спрашивается – чего ей стоит отвинтить какую-нибудь елду на оружейной палубе и засунуть себе в...? Может,

«Тушканчик» без этой елды и не развалится, но...

– Раз вы такой ответственный, подарите ей вибратор, – посоветовал Вернер.

– Да у нее этих вибраторов два ящика. Не в том дело. Ты пойми меня правильно, Эндрю. Мы с тобой здесь отвечаем за боеспособность. Только мы. Ну, еще твои пятеро шлимазлов, но с них спросу никакого. А больше никто. Ни Кенди, ни тем более этот толстожопый Фокс. Даже адмирал Рашен ни за что на «Тушканчике» не отвечает. А вот спросить они могут. И с кого? С нас! Так что давай, шевели мозгами. Тем более, ты русский.

Ива смотрела, как причаливает адмиральский катер, слушала бредовый разговор за спиной и качала головой. С Вернером она была не согласна. Крыша ехала не только у чиновников Адмиралтейства. На «Тушканчике» потихоньку дурели все. Не исключая старпома Боровского.

– Слушайте, Жан-Поль, – сказал Вернер. – Я вас понял. Все будет ОК. Только вы не расстраивайтесь так.

– Я даже твоего личного дела не видел, – вдруг сказал Боровский с непонятной тоской в голосе.

– А вам и не положено, – неожиданно жестко заметил Вернер.

– То-то и оно... – вздохнул старпом. – Дежурный! – вдруг рывкнул он себе в воротник, туда, где торчал микрофон. – Не слышу доклада!

– У вас же наушника нет, Жан-Поль, – сказал Вернер ти-

ХОНЬКО.

Боровский пронзил техника безумным взглядом и принялся хлопать себя по карманам в поисках наушника.

– Возьмите, – Вернер протянул старпому маленькую черную фишку. – Это мой резервный.

Боровский что-то промычал, схватил фишку и запихнул ее в левое ухо.

– Дежурный! – заорал он.

– Что-то случилось, Жан-Поль? – спросил из коридора глубокий и ровный голос.

Боровский судорожно отпрыгнул с прохода и принял строевую стойку.

– Никак нет! – отрапортовал он.

– Это хорошо, – сказал адмирал Рашен. – Добрый день, Иветта. Zdravstvui, Andrey.

– Zdravstvuite, Oleg Igorevich, – сказал Вернер и почтительно склонил голову.

– Как ты здесь? – спросил Рашен, переходя на французский и протягивая Вернеру руку. – Привыкаешь? Не обижают?

– Его обидишь, – ответил за Вернера Боровский. – Он сам кого хочешь обидит до слез.

– Все нормально, драйвер, – улыбнулся Вернер, пожимая крепкую руку адмирала.

– Отражатели починил?

– Да ничего там не было, драйвер. Ерундовая потеря кон-

такта.

– Разберешь «старика Пола» по винтику и соберешь. Ясно?

– Да, сэр.

– Коммандер Боровский тебе все обеспечит.

– Да, сэр! – хором ответили старпом и техник.

– Вопросы?

– Да, сэр, – сказал Вернер. – Коммандер Боровский обеспокоен тем, что не видел моего личного дела.

– И ничего я не обеспокоен... – пробормотал Боровский, опуская глаза.

– Пусть он лучше беспокоится тем, что у него по кораблю голые бабы разгуливают, – сказал Рашен.

– Застрелю психопатку... – прошипел Боровский. – Застрелю и в жопу трахну.

Рашен сделал нижней челюстью жующее движение и поглядел на старпома очень внимательно.

– А может, в обратной последовательности? – спросил он.

– Виноват, сэр, – сказал Боровский, глядя в пол. – Разрешите удалиться?

– Через полчаса зайдешь ко мне, – приказал Рашен. – И к Линде не суйся. Я с ней уже сам поговорил. Хватит с нее. Ладно, Andrey, ты работай по своему расписанию, я потом тебя найду. По местам, господа астронавты. Не развалите тут все окончательно.

Вернер и Боровский, щелкнув каблуками, скрылись в ко-

ридоре. Рашен подошел к пульта Ивы и устало повалился в кресло слева от нее.

Ива украдкой посмотрела на адмирала. Ей всегда нравилось его волевое и умное лицо. Но сейчас под глазами Рашена запали тени. И глаза эти, острые, живые, а зачастую даже злые, теперь казались мертвыми. А седая челка и серебристые виски окончательно превращали адмирала в старика. Раньше Иве всегда хотелось прикоснуться к адмиралу или хотя бы сказать ему что-нибудь хорошее. Но развалина, которая сидела рядом сейчас, не вызывала желания приласкать ее.

– Пожалуйста вызови Задницу, Иветта, – пробормотал адмирал, потирая ладонью глаза.

– Да, сэр, – Ива набрала команду, быстро переговорила с дежурным «Гордона», и через минуту на мониторе появилась костлявая физиономия контр-адмирала Эссекса.

– Здравствуй, Фил, – сказал Рашен. – Ты мне нужен. Сможешь подвалить часам к семи?

– Один? – спросил Задница.

– Да. Бутылку возьми и подваливай. Думать будем.

– А может, ты ко мне? Моя охрана у тебя на борту не поместится.

– А ты всех не бери.

– Ну Алекс, ну чего тебе стоит...

– Фил, кончай ныть. Ты уже старый хрен, а все ломаешься, как не знаю что... Я сказал «подваливай», значит подва-

ливай.

– Сам ты старый хрен. Ладно, жди, – и Задница дал отбой.

– Все-таки он действительно Задница, – заключил Рашен. – А представляешь, Иветта, ходили бы мы с тобой сейчас на «Старке». Или на том же «Гордоне». Бассейн – двадцать пять метров! Теннисный корт. Зона психологической разгрузки... Санаторий. То-то Задница вниз не стремится. Ему и так хорошо.

– Наш кораблик самый лучший, – сказала Ива. – И сами мы классные парни и хорошие астронавты.

– Угу, – кивнул Рашен. – Только кроме нас этого почему-то никто не понимает. Да и сами мы, честно говоря... Слушай, детка, ты мне доложить ничего не хочешь?

– А что докладывать, сэр? – удивилась Ива.

– Воин, службою живущий, читай Устав на сон грядущий, – продекламировал Рашен. – И утром, ото сна восстав, читай внимательно Устав... А я ведь, кажется, целый адмирал...

– Можно вопрос, драйвер? – спросила Ива, игнорируя намек.

– Хоть дюжину. Но сначала ты мне доложишь, как положено. Что тебе, жалко? Уважь старика.

– Господин адмирал, за время вашего отсутствия происшествий не случилось. Дежурный навигатор капитан-лейтенант Кендалл, сэр, – лениво пробубнила Ива. – И ничего вы не старый.

– Я говорю, что старый, значит старый. Ну, чего тебе?

– Сэр, вам никто еще не говорил, что через пару месяцев такого бардака, как сейчас, мы не сможем воевать?

– Знаешь, Кенди, ты действительно забыла, что я адмирал.

– Сэр, люди не хотят больше служить. Даже хуже, чем не хотят – не могут. И деваться им некуда. Я когда в прошлый раз внизу была, так и не рискнула выйти за ворота базы. Просто боюсь, что земляне со мной сделают что-нибудь нехорошее. Вы слышали, одну девчонку из десанта изнасиловали и убили?

– Они ее потом очень ловко надели на громоотвод, – сказал Рашен. – А на животе у нее было выжжено: «murder». Сам видел. А ты чего хотела? Чтобы ее искупали в шампанском? Убийца он и есть убийца.

– Сэр, я вас не понимаю, – сказала Ива упавшим голосом.

– Говорю же, милая, я все-таки адмирал.

– Объясните, сэр.

– Я знаю в сто раз больше твоего. И во всех подробностях. Вдобавок, я догадываюсь, зачем это делается. Нас с тобой, милая, хотят сжить со света. И делают это самым эффективным способом – разлагая флот изнутри. Мы больше не нужны, понимаешь?

– Ох... – выдохнула Ива. – Что же делать, сэр?

– Ждать, – сказал Рашен жестко. – Сидеть и ждать приказа.

– Чует мое сердце, – пробормотала Ива, – что долго мы не высидим.

* * *

– Ну что, Andrey? – спросил Рашен вместо приветствия. – Как себя чувствует наш Махди?

– Кто? – удивился Вернер.

– Классику надо знать, – упрекнул Рашен. – Присаживайся.

– Спасибо, – Вернер уселся напротив адмирала и прищурился на него одним глазом, вспоминая. – Махди это Пол Атридес, да?

– Угу, – кивнул Рашен. – У группы F в чести народный фольклор. Набрал я себе помощничков, век бы их не видеть. Искал умных и начитанных, а теперь время от времени думаю, что лучше бы они все были тупые и необразованные. Особенно штаб – прямо расстройство одно. Что ни день, то какой-нибудь юный талант берется тонко пошутить. Скажет пару слов с умным видом и щурится на меня, вот как ты сейчас примерно. А остальные и рады бы засмеяться, да совестно – жалеют старого дурака...

– Oleg Igorevich, с чего вы взяли, что старый? – искренне удивился Вернер.

– Ощущение, – сказал Рашен и неопределенно помахал ладонью в воздухе. – Знаешь, после того паскудного случая у

Юпитера... Первые дни, когда мы только на базу вернулись, я еще от шока отходил и чувствовал даже подъем какой-то. А после... Устал. Надорвался я, Энди, понимаешь? Вот целых десять лет и живу в глубоко надорванном состоянии. Ладно, что там по твоей части? Какие новости?

– Так я вам послал, – Вернер указал подбородком на терминал.

– Да? Что-то я не заметил, – адмирал повернулся к монитору, но руки на контакты положить не успел. Потому что Вернер подался вперед и сунул прямо на контактную доску кусок белой ткани. Рашен опустил глаза и весь сморщился.

Вернер умел писать от руки – именно писать, а не только расписываться. Довольно редкое качество, характерное больше для ученых или представителей малых народов с угасающей культурой. В экипаже «Тушканчика» подобных грамотеев имелось трое. Рашен хорошо писал по-французски и по-русски, Линда вполне сносно выводила английские слова, а Боровский уверял, что свободно пишет на пяти языках, но замечен в этом ни разу не был. Искусство каллиграфии отмирало. Писать от руки было нечем и незачем. Учащиеся младших классов на стандартной контактной доске выколачивали до трехсот знаков в минуту. А техник уровня Вернера – все шестьсот. Но Вернер был русским и умел держать в руках стило. И сейчас написал такое...

– Та-ак, посмотрим, – сказал Рашен, для порядка выводя на монитор докладную о результатах первичного техосмотра

корабля. Правой рукой он разгладил белую тряпку, оказавшуюся куском форменной майки. И чем дольше он читал печатные буквы, аккуратно нарисованные графитным стержнем, тем сильнее морщился.

«Система оповещения – в режиме микрофона, – писал Вернер. – Сигнал идет вниз постоянно на кодированной волне. Передатчик спрятан под обшивку на технической палубе».

Рашен машинально поднял глаза к потолку. Динамики системы оповещения стояли по всему кораблю. На какую-то секунду адмиралу стало дурно: он вдруг ощутил себя до такой степени голым, будто с него содрали кожу. Пришлось зажмуриться и сосчитать до десяти. А потом – открыть глаза и снова читать.

«Блокиратор главного ствола управления огнем, – прочел Рашен. – Вживлен намертво. Приемного устройства пока не нашел».

– Ты блестящий специалист, Andrey, – скорее выдавил из себя, чем сказал Рашен. – Я очень рад, что взял тебя в экипаж.

– Мастерство не пропьешь, – невесело заметил Вернер. – Вы дальше посмотрите, Oleg Igorevich.

– Куда уж дальше! – усмехнулся Рашен. По главному стволу управления огнем шла вся телеметрия орудийной палубы. Включая те группы команд, что управляют орудиями с ядерной накачкой. Большими импульсными лазерами, в ог-

ненных плевках которых растворяются файтеры и поджариваются дестроеры. Будь у Рашена такие пушки на «фон Рее» десять лет назад, фиг бы он нырял в Юпитер, изображая подводную лодку.

«Автономная иницилирующая схема аварийного глушения реактора. Приемника тоже пока не нашел».

Рашен откинулся в кресле и сложил руки на груди. Это был конец. Флагман группы F больше ему не принадлежал. Достаточно кому-то, по чьей воле в нервную систему корабля вживлены эти устройства, нажать кнопочку – и «Пол Аттридес» станет грудой металлолома, которая не в состоянии толком ни полететь, ни выстрелить. Она сможет только сбросить аварийные модули и приземлить экипаж. А там, внизу, его уж встретят...

Рашен протянул руку, и Вернер вложил в его пальцы кусок графита. Адмирал перевернул тряпку, вывел в уголке вопросительный знак и вернул импровизированные карандаш и бумагу Вернеру.

– По интересующим вас пунктам, – сказал Вернер самым беззаботным тоном, – мне понадобится около месяца. С первым справлюсь за неделю, с остальными двумя придется думать.

«Если не справлюсь, устроим пожар на тех. палубе и поставим аварийный комплект», – написал он и перепаснул тряпку адмиралу.

Реакция адмирала была вполне естественной для астро-

навта. Едва прочитав, он скомкал послание и закинул его в утилизатор. Вернер дернулся было спасти тряпку, но опоздал. Рашен посмотрел на него и покрутил у виска пальцем. Вернер развел руками.

– М-да, – сказал Рашен. – Ну что ж, Andrey. Работа проделана серьезная. Надеюсь, с тем, что осталось, ты справишься в заявленные сроки. Признаюсь, я думал, проблем у нас гораздо меньше. Но приятно слышать, что неполадки устранимы без помощи извне.

– У меня все-таки пять человек, – напомнил Вернер. Рашен тут же показал ему кулак, и Эндрю понимающе кивнул.

– Ладно, – сказал Рашен. – Благодарю за службу. Вопросы есть?

– Никак нет, сэр, – Вернер поглядел на потолок, выразительно ткнул пальцем в сторону утилизатора, где скрылась тряпка, и погрозил адмиралу. Наверное вопросы остались, но Рашен, едва прочитав о пожаре, испугался. Даже на субмарине пожар менее опасен, чем на космическом судне. От такой идеи не стыдно было и потерять контроль над собой.

Рашен хмыкнул и расстегнул нагрудный клапан спецкостюма, демонстрируя ослепительно белую футболку. Вернер махнул рукой – мол не надо, – и поднялся.

– Разрешите идти? – спросил он.

– Разрешаю заходить в любое время, – сказал адмирал. – И не забудь, старпому Боровскому приказано содействовать тебе в части, его касающейся. Пока, Andrey.

– До свидания, – сказал Вернер, подмигнул и вышел за дверь.

Адмирал повернулся вместе с креслом, набрал команду на замке сейфа, просунул в него руку и схватился за бутылку самогона, как утопающий за спасательный круг.

* * *

Отвергая духовное наследие предков, как не оправдавшее себя и едва не погубившее Землю, человечество не похоронило старые добрые технические идеи. Поэтому «Тушканчик» был сконструирован по принципу русской матрешки и мог позволить себе такую роскошь, как искусственная гравитация за счет раскрутки внешней оболочки. Безусловно, инженеры предпочли бы менее замысловатое решение проблемы. И корабль получился великоват в поперечном сечении, попросту толст. Гравигенератор, легкий и компактный, вписался бы в схему круизера серии 100 как нельзя лучше. К сожалению, таких генераторов в природе не существовало. И ходил корабль на традиционной ядерной тяге, и команды из боевой рубки шли не к каким-нибудь заковыристым искривителям пространства, а к нормальным импульсным лазерам. Единственным революционным новшеством, отличавшим «Тушканчик» от прочих судов группы F, был фаллический рисунок на дне рекреационного бассейна.

Вращающаяся оболочка корабля в просторечии именована-

лась «рабочей Зоной». Она делилась поперек на так называемые палубы, на которых и проходила вся жизнь экипажа. В распоряжении астронавтов всегда имелся чуть заметно вогнутый пол и более явно выгнутый потолок. Хочешь прыгай, хочешь падай, если очень хочешь – лезь на стенку. А вот кувыряться в невесомости тебе незачем. Чинить силовые коммуникации и пушки, смонтированные в «разгруженной» зоне, ты все равно не умеешь. На это есть техники, им положено уметь летать. У них даже имеется Профессиональное заболевание – «синдром летчика».

Разумеется, все испытывали кратковременную невесомость по пути от причальных шлюзов до рабочей зоны, но ее отчасти сводили на нет электромагниты, присасывающие к полу стальные вкладыши в подошвах форменных ботинок. Вдобавок, магнитный пол исправно подбирал из воздуха бесхозные железяки. Полная невесомость считалась чересчур коварной штукой, чтобы позволить ей резвиться на военном корабле. В качестве примера Рашен вспоминал байку о том, как лет пятьсот назад русские астронавты искали на своей крохотной станции гаечный ключ, чтобы закрыть крышку переходного отсека и улететь-таки вниз. Ключ, разумеется, был на привязи и деться никуда не мог, но вот взял и испарился. Примерно через сутки астронавты заметили какую-то веревку, потянули за нее, и вытащили ключ из-за заглушки на щите электропитания, поставленной специально, чтобы за нее случайно не залетел металлический предмет.

Еще Рашен вспоминал, как по молодости лет решил учинить на «фон Рее» полноценную тренировку на невесомость. У него хватило ума не тормозить рабочую зону – вероятно, он предчувствовал результат. Рашен просто вывел людей полетать в центральный ствол. Вернулись астронавты назад все заблеваные, а центральный ствол долго продували сжатым воздухом с дезинфицирующей эмульсией.

Короче говоря, жизнь на «Тушканчике» шла в полном согласии с земной физикой. Именно поэтому на пятый день пребывания в экипаже флагмана лейтенант Вернер умудрился буквально, безо всяких обиняков, свалиться на голову капитан-лейтенанту Кендалл.

По корабельному времени был уже поздний вечер, Ива только что вышла из душевой и направлялась к себе в каюту – розовый халатик на голое тело, голова обмотана полотенцем, взгляд блуждающий, настроение самое что ни на есть благодушное, все рефлексy на нуле. Вдруг над головой у нее что-то натужно заскрипело, и пока Ива соображала, что бы это могло значить, с потолка градом посыпались болты. Затем по голове несильно ударило легкое и пластмассовое. Тут Ива подняла глаза, и в этот момент на нее с неразборчивым французским проклятьем рухнуло восемьдесят кило живого веса.

– Тысяча извинений, капитан, – пробормотал Эндрю, отползая задом на четвереньках. – Даже не знаю, что и сказать. Вы как? Я вас не очень... того?

Ива села, прислонилась к стене и подобрала слетевшее с головы полотенце.

– Отвернись! – приказала она, заново сооружая из полотенца чалму.

– Я не нарочно, – объяснил Эндрю, глядя вверх. – Панель выпала. Какой-то умник очень хорошо ее закрепил. Ползу себе, никого не трогаю... Я вас правда не ушиб?

– Ты-то живой? – поинтересовалась Ива.

– Вроде бы, – Эндрю поднялся на ноги и нагнулся к Иве. Он был в легкой рабочей куртке с закатанными до локтей рукавами, и Ива увидела на его левом предплечье извилистый белый шрам. Руки у Вернера были не по-мужски изящные, с тонкой кистью и длинными красивыми пальцами. Но поднял он Иву с пола легко, как пушинку.

– Где это тебя угораздило? – спросила она, показывая глазами на шрам. – На «фон Рее»?

– Да. Производственная травма. Ползал по магистрали, вот как сейчас, и зацепился.

– Что ж ты его не зарастил?

– Не знаю... Все-таки память. И девочкам нравится.

– Ага, – кивнула Ива, посмотрела Эндрю в глаза и отвела взгляд. Вернер не был особенно крупным мужчиной, но сейчас он казался Иве просто огромным. Сильным и надежным. Он окружал ее собой, защищал, и все еще мягко придерживал за плечи. Видно было, что ему нравится так стоять. Вплотную. А глазами он Иву просто ел.

– Я вас правда не ушиб? – в очередной раз спросил Эндрю.

– Правда, – еле слышно сказала Ива, мучаясь вопросом: он ее сейчас поцелует, или все-таки постесняется и отложит это на потом. Никогда раньше ей не хотелось, чтобы ее поцеловал мужчина, с которым она разговаривает второй раз в жизни. На отдыхе внизу ей случилось по пьяни отдаваться малознакомым людям, но это все были астронавты, свои парни, чистые душой и телом, как пол на «Тушканчике», разве что не стерильные. А Вернер, хоть и тоже астронавт, «своим» не был. За его спиной притаилась тайна, его отделял от Ивы невидимый барьер. Перед этим человеком не хотелось оболъстительно изогнуться. А хотелось скромно потупить глаза, уронить безвольно руки и надеяться, что ты достаточно хороша для того, чтобы он лишил тебя невинности. Разумеется, не сейчас. Много после. Но вот хотя бы поцеловать... Ива встряхнулась, не без труда пришла в себя и снова посмотрела Вернеру в глаза, на этот раз прямо и смело.

– Кто ты? – спросила она.

Эндрю отпустил ее и непроизвольно сложил руки на груди.

– Меня зовут Эндрю Вернер, – сказал он с легкой усмешкой на губах. – Возраст тридцать шесть, рост сто восемьдесят, вес семьдесят девять. Имею правительственные награды. Очень хороший техник. Очень скромный и застенчивый человек. Даже чересчур застенчивый...

– Это заметно, – подтвердила Ива. – А все-таки, кто ты?

Что ты здесь делаешь?

– Падаю на голову красивым женщинам.

– Не валяй дурака... Энди.

– Но вы действительно очень красивая женщина, капитан.

Во всяком случае, на мой вкус.

– Особенно сейчас, – заметила Ива, машинально поправляя на голове полотенце. – Значит, не хочешь отвечать?

– Сожалею, но мне нечего ответить, – сказал Эндрю очень мягко, почти ласково. – Вы меня за кого-то принимаете... За героя какого-то. Из женского романа. А я просто свалился вам на голову. Сначала испугался, а теперь вот... Даже не знаю. Рад, наверное. Я ведь скучал по вам...

– Если не можешь обращаться ко мне на «ты», давай перейдем на английский, – предложила Ива. – Или у вас, у русских, положено сначала выпить на брудершафт?

Вернер откровенно смутился. Получалось это у него обворожительно.

– Я не знаю, что на этот счет положено у русских, – сказал он. – Но выпить я с вами... с тобой готов в любое время.

– Тебя что, тормозит, что я старше по званию? – не унилась Ива.

– Тьфу! – Вернер отступил на шаг, провернулся на каблучках, и когда лицо его снова оказалось у Ивы перед глазами, было оно уже совсем не смущенным, а заразительно улыбающимся. – Да ничего меня не тормозит! Я просто с тех пор,

как тебя увидел, только о тебе и думаю!

– Молодец! – похвалила Ива, крепко хлопнула Эндрю по плечу и, повернувшись к нему спиной, царственно поплыла по коридору.

Эндрю восхищенно смотрел ей вслед.

* * *

Адъютант контр-адмирала Задницы сгибался под тяжестью здорового кофра с оборудованием.

– Здрате! – выдохнул он, роняя кофр на стол. – Все как заказывали. С горячим приветом от моего патрона.

– Не любит он тебя, Изя, – сказал Рашен. – Не бережет.

– Это точно, – согласился Изя, откидывая крышку и извлекая из кофра цилиндрический сосуд с бурой жидкостью.

– Посуду на стол, технику в угол, – распорядился Эссекс, возникая на пороге. – Здравствуй, Алекс. Стаканы где?

– Да вот стаканы, не переживай. Изя, ты бы действительно убрал со стола этот ящик.

– Погодите, – сказал Изя, запуская руки в кофр и щелкая рычажками помехопостановщика. – Не все сразу. Дайте машину на режим вывести.

– Ой! – скривился Рашен. У него вдруг прихватило зубы и ломануло поясницу. Это Изя что-то у себя в кофре перекрутил. – Ты полегче!

– Сами-то не умеете... – буркнул Изя, взглядываясь в ап-

паратуру и недовольно морщась. – Пардон. Эта штука буквально на честном слове держится... Момент.

Эссекс вытер слезящиеся глаза и уселся за стол напротив Рашена.

– Ну? – спросил он недовольно. – Долго еще терпеть?

– Да сейчас же! – обиделся Изя. – Я вам что, техник? Я вообще в этой электронике ни бум-бум...

– Как раз насчет бум-бум хорошо получается, – заметил Рашен. – У меня сейчас зубы выпадут.

Изя что-то с усилием провернул в кофре, и затопившее каюту электричество рассосалось. Помехопостановщик вышел на режим.

– Вот, – сказал Изя, доставая круглую черную коробочку и протягивая ее Рашену. – Вы лучше пока заглушку поставьте.

– Ну ты обнаглел! – восхитился Рашен, но заглушку взял, отодвинул в сторону бутылку и стаканы и полез на стол. Достянулся до решетки, под которой прятался динамик громкой связи, и прилепил коробочку к потолку.

– Так? – спросил он.

– Левее. Еще. Ага, правильно. Спасибо.

– Да не за что. Заходи еще, – Рашен спрыгнул со стола и вернулся на место. – Как детишки, Изя?

– Растут, – вздохнул Изя. – Денег просят. Я говорю, куда вам столько – вы их что, едите? Нет, говорят, мы их в задницу суем...

– А ты чего ждал? – удивился Рашен. – Семья, дружище,

это просто фабрика по уничтожению средств...

– Слушайте, вы... евреи! – взорвался Эссекс. – Может, я пойду?! Может, вы и без меня обойдетесь?!

– Нет, Фил, – вздохнул Рашен. – К сожалению, без тебя не получится. Ну что, Изя? Можно уже говорить по душам?

– Угу, – кивнул Изя, с демонстративной натугой оторвал кофр от стола и поставил его в угол. – Разрешите идти?

– Брысь отсюда! – рявкнул Эссекс.

– Вы свободны, капитан Мейер, – сказал Рашен величественно. – Медаль вам пришлют на дом.

– Лучше деньгами, – заметил Изя и вышел.

– Ну, Алекс, наливай! – скомандовал Эссекс. – Na zdorovie!

– Na zdorovie, – кивнул Рашен.

Несколько минут командование группы F просидело в молчании, дегустируя напиток.

– Отрава, – сказал наконец Рашен. – Пойло.

– По-моему тоже, – согласился Эссекс. – Ну, зачем позвал? И к чему такая секретность?

– Этот корабль мне больше не принадлежит, – заявил Рашен.

– То есть? – насторожился Эссекс.

– Громкая связь работает как микрофон, – объяснил Рашен. – Каждый пук из моего сортира фиксирует какая-то сука внизу.

– Подумаешь! – сказал Эссекс с видимым облегчением. –

Открытие! У меня на «Гордоне» все то же самое.

– А блокировка реактора у тебя есть?! – спросил Рашен агрессивно. – А отсекабель на стволе управления огнем?! А?!

– Ничего себе... – пробормотал Эссекс. – Вот хреновина... Приемники нашел?

– Пока нет. Найду, не беспокойся. Но что нам делать теперь, Фил?

– Наливать и пить, – сказал Эссекс. – Проклятье! Завтра же прикажу своим технарям... Тьфу!

– Вот именно, – кивнул адмирал, разливая «отраву» по стаканам. – Я старшего техника уже поменял. И тебе советую. А до этого – ни-ни.

– Так вот почему ты Фокса не тронул! – догадался Эссекс. – Умно, ничего не скажешь.

– Фокс не в курсе, зачем это было сделано. Он просто мне пожаловался, что Скаччи много себе позволяет. А я сказал: ну, дай ему в рыло. Фокс говорит: вы что, серьезно? А я говорю: считай, приказал. Вот он и врезал ему.

– Какие они все у тебя... послушные.

– А куда им деваться? Вниз, что ли? Кому они там нужны?

– Ну почему же, – возразил Эссекс. – Внизу найдется масса желающих набить им морду. Я слышал, даже гражданским астронавтам иногда достается.

– Скаччи передо мной на коленях ползал, – вздохнул Рашен и припал к стакану.

– Пускай ему теперь жопу порвут, – кровожадно усмех-

нулся Эссекс и тоже пригубил «отравы».

– Из чего ты это гонишь, Фил? – спросил Рашен, поднимая стакан и разглядывая напиток на просвет.

– Из чего придется, – уклончиво ответил Эссекс.

– И это два адмирала, – заключил Рашен.

– Так что делать будем? – спросил Эссекс деловито, подаваясь вперед и пристально глядя на коллегу. – По-моему, ситуация патовая. Народ против нас, ты это понимаешь? Там внизу бешеная пропаганда за отказ от армии, как таковой. У каждого третьего землянина на Марсе и Венере были либо родственники, либо друзья. И каждому землянину без исключения эта война в копеечку влетела. Распустят нас, Алекс.

– А что говорят твои умники?

– Вот это и говорят. Даже если предположить, что Собрание Акционеров решит пока оставить все как есть. Совет Директоров так вздрючил общественное мнение, что им просто нельзя идти на попятный. Допустим, полицейские силы они пока не тронут. Пираты, контрабандисты... Но группе F точно конец. Готовься к отставке, старик. Вот что советует мой штаб.

– Понимаешь, Фил, – сказал Рашен, – я ведь не из принципа упираюсь. Плевал я на эту армию. Я вообще человек не военный. И с моральной точки зрения мы действительно неправы.

– Не скажи. Мы выполняли приказы. И все. А теперь из

нас делают козлов отпущения.

– Погоди, Фил. Сколько народу мы ухлопали на Марсе?

– Это не мы, Алекс. Не передергивай. Это были крашеры и десант. Группа F прижимала корабли сепаратистов к поверхности. И все. Ну, взорвали мы сколько-то этих посудин – а они что, погулять взлетели? Мы не бомбили. Не жгли. И кстати, не мы придумали, что Марс и Венера должны отделяться. И не мы придумали, что им этого нельзя. Так что я тебя...

– Да я вообще о другом, Фил. Ты скажи: какие у тебя аргументы за то, что армию распускать пока еще не стоит?

Эссекс плеснул себе «отравы», поднес стакан к губам и задумался.

– У тебя внизу хоть кто-то есть... – пробормотал он.

– Считай, что нет, – вздохнул Рашен. – Последний мой разговор с сыном продолжался ровно минуту, и говорил в основном Игорь. Так что я внизу тоже никому не нужен. Ну, Фил? Зачем сейчас Земле военно-космические силы?

– Они ей на хрен не сдались, – сказал Эссекс и залпом выпил.

– Вот именно, – кивнул Рашен. – Группа F нужна только тем, кто в ней служит. Потому что больше им деваться некуда. Так думают все три обитаемых планеты Солнечной. Три суверенных государства. Три могущественных корпорации. И они не только считают так, но еще и говорят об этом. Кричат во весь голос. А что мы?

– А что мы? – тупо повторил Эссекс.

– По-моему, и Земле, и Венере, и Марсу группа F нужна позарез, – скромно заметил Рашен. – Десантный и бомбардировочный флот действительно можно списывать, а вот что касается нас, с нашим опытом боев в открытом пространстве...

– Да? – оживился Эссекс.

– Фил, ты тормоз. Кто их будет защищать от внешней угрозы, если не мы?

– От внешней угрозы? – переспросил Эссекс.

– Почему молчит станция на Цербере? – спросил Рашен. – Ты выяснил?

– Адмиралтейство разбирается... – виновато ответил Эссекс. – Телеметрия... Все такое... Скоро узнаем.

– Пошли туда скаут, Фил.

– Зачем? – искренне удивился Эссекс.

– Чтобы посмотреть, отчего станция молчит.

– Ну ты сказал! Туда два месяца ходу! А сигнал может появиться завтра, ну послезавтра. Может, там заело что-то.

– И чему там заедать?

– Не знаю, – признался Эссекс. – Вроде бы нечему. Там все просто как болт. Сверхнадежно.

– Вот именно, – кивнул Рашен. – Отправь туда скаут, Фил. «Рипли» пошли. Завтра же. И пусть до Цербера ходу будет не два месяца, а три недели максимум.

– Это же самоуправство, Алекс... – до Эссекса постепен-

но начало доходить, что Рашен не шутит. – Если внизу узнают... А деньги?! Из каких фондов я это оплачу? За три недели до Цербера – ты что?! Сам посчитай – бустер понадобится от «Гордона», чтобы так разогнать...

– Сколько осталось до Собрания Акционеров? Три месяца, Фил. Вот и считай: три недели туда, столько же на разведку. И месяц убеждать идиотов внизу, что станцию уничтожил кто-то чужой. А заправку бустера я оплачу, раз ты такой жадный. Из резервного фонда.

Некоторое время Эссекс выпученными глазами вглядывался в лицо Рашена.

– Алекс, ты с ума сошел? – спросил он с надеждой в голосе.

– Хотелось бы, – ответил Рашен серьезно.

* * *

Скаут «Рипли» был маленькой юркой посудиною, семьдесят процентов которой занимала ходовая часть, а еще двадцать – оптические и радарные сканеры. Экипаж скаута насчитывал пять человек, и в полет они надевали громоздкие противоперегрузочные скафандры с системами кормления, водоснабжения и канализации. Скаут ходил с такими перегрузками, от которых у человека в обычном спецкостюме просто вытекли бы глаза. Жить месяцами в скафандрах было нелегко, зато скаут прошел две войны без единой пробоины.

Целиться в него еще получалось, а вот попадать – нет.

Обстановку скаута пронизывал спартанский дух, если не сказать хуже. Самой роскошной деталью внутреннего убранства «Рипли» был унитаз для невесомости с привязными ремнями. На клапане унитаза кто-то нацарапал: «НЕ СРАТЬ».

– Это зачем? – спросил Рашен, повисая над унитазом головой вниз.

– Шутка, – объяснил командер Файн. – Мы им так ни разу и не пользовались. Времени не было. Воевали.

– Ладно, – сказал Рашен. – Будем считать, что порчи казенного оборудования я не заметил. Слушайте, Эйб. Видите, я сам пришел... – он замолк в легком замешательстве.

– Вижу, – кивнул Файн. – Ну и как вам тут, сэр? Не жмет?

– Зато когда в эту блоху последний раз попали? – хитро прищурился Рашен.

– Стрелять не умеют, – парировал Файн. Он ходил на скаутах пятнадцатый год и каждый сезон подавал кляузные рапорты о том, что Задница не дает ему продвигаться по службе. Рашен пересылал жалобы Эссексу, а тот их с удовольствием читал и спускал в утилизатор. На самом деле Файна «задвигал» Рашен. Эбрахам Файн был прирожденным разведчиком, сам это хорошо понимал, гордился своей квалификацией и жаловался только из личной вредности. Кроме того, когда ты ценный специалист, то чем больше возникаешь, тем скорее тебе затыкают рот внеочередным поощре-

нием.

– Хорошо, – кивнул Рашен. – Будем надеяться, если кто-то сейчас болтается вокруг Цербера и поджидает вас, Эйб... Будем надеяться, что он тоже плохо стреляет.

– Так, – сказал Файн. – Интересно. Значит, обследование станции – это лажа. Я так и думал.

– Что вы думали, Эйб?

– Виноват, сэр.

– Да нет, продолжайте. Серьезно.

– Ну... Ее ведь кто-то подбил, да? Там полный автомат, ломаться нечему. Значит, кто-то по станции отбомбился. Да, сэр?

– Как вы думаете, Эйб, кто это мог быть?

– Ну, сэр... Вообще это не мое дело. У Задницы... Пардон, у его превосходительства контр-адмирала Эссекса громадный штаб. Сотня бездельников. Вот пусть они и думают. А наша задача – смотаться, все обнюхать и доложить.

– Эйб, кончайте вы свои еврейские штучки.

– Сэр, ну сами посудите: я вам сейчас расскажу, кому на мой взгляд станция мешала, а вы меня того... Вниз.

Рашен пнул ногой унитаз, перелетел через рубку и, ухватившись за одно из кресел, завис перед обзорным экраном.

– Чужие? – спросил он.

– Разумеется, – сказал Файн ему в спину. – Подшибли станцию и ждут ремонтников. Хотят взять «языка».

– Очень уж это по-человечески.

– Почему нет? – спросил Файн. – В любом случае, больше напасть на станцию некому. Вся зона внутри орбиты Сатурна под контролем. Высунься из Пояса в ту сторону контрабандист, полиция бы заметила. И потом, они до Цербера все равно не доползут. Да и зачем им?

– Незачем. Они сидят в Поясе и тащат отуда сырье на Венеру и Марс. И полиция наступает им на пятки. Значит, чужие?

– Точно чужие, сэр.

– Как вы легко об этом говорите, Эйб...

– Я?! – возмутился Файн. – Да я, можно сказать, был первый, кто рот открыл. И первый же, кто за такие разговорчики по ушам огреб. А Задница...

– Так вы поняли задачу, Эйб? – перебил его Рашен.

– Да, сэр, – ответил Файн хмуро.

– Я думаю, там никого не окажется. Но вы на станцию смотрите в последнюю очередь. Только когда убедитесь, что пространство чисто. Тогда оцените характер повреждений, сбросьте мне информацию по дальней связи, и тут же назад.

– Нереально засечь чужака нашими средствами, – проворчал Файн. – Если они добрались до Солнечной, я-таки представляю себе, на чем они ходят. И если они уконтрапупили станцию, я-таки могу вообразить, из чего они стреляют.

– Что, есть идеи? – спросил Рашен, оборачиваясь.

– Идеи пусть Задница генерирует, – ответил Файн. – У него на это специалисты имеются. Заодно пусть выдумает,

что нам делать, когда группу F распустят.

– Если вы найдете убедительные следы чужих, группу F не распустят, – заметил Рашен.

– Нет уж, – помотал головой Файн. – Не такой ценой. Я лучше в ассенизаторы устроюсь. Буду говно откачивать, бряцая орденами...

– Вот это верно, – кивнул Рашен. – Это сказал боевой офицер. Вы молодец, Эйб. Так что, пойдете к Церберу? Нет возражений?

– Так точно, пойдём, сэр! – отчеканил Файн.

– В штабе сейчас готовят справку по всем необъясненным явлениям, что наблюдались за последние годы. Успеете ознакомиться до старта. Прикиньте стратегию поиска. Тут я вам не советчик.

– Да я все знаю, сэр, – улыбнулся Файн. – Вы и забыли, наверное, а я вам еще сто лет назад говорил, ну, после истории со «Скайуокером», что в Солнечной от чужих скоро будет не продыхнуть... В разведке многие собирают данные о чужих. Неофициально, конечно. Начальство об этом и слышать не хочет.

– А я хочу, – сказал Рашен. – И хочу услышать о чужих именно от вас, Эйб. Вернитесь и расскажите мне, что их не было и нет.

– Они есть, сэр. Просто у них пока руки до нас не доходили.

– Хорошо бы, чтоб при нашей жизни не дошли.

– Это вы зря, сэр, – не согласился Файн.

– Почему? – поднял брови Рашен.

– Потому что уже через несколько лет в Солнечной не останется боевых кораблей. Что же, эти уроды возьмут нас без единого выстрела?

Рашен с усилием потер глаза.

– Несчастные мы люди... – пробормотал он.

– Это точно, сэр, – кивнул Файн.

* * *

Обычно бустер-разгонник пристегивается к кораблю на специальных захватах. В случае с «Рипли» картина выглядела с точностью до наоборот. Крошечное суденышко прилепили к громадной бочке и нажали кнопку. Бустер секунду повисел как бы в раздумье, потом выплеснул из хвоста сноп пламени и рванул себя в пространство с такой силой, что у командера Файна глаза на лоб полезли. В таком положении им теперь суждено было оставаться до самого Пояса, где бустеру полагалось, исчерпав себя, пинком сбросить «Рипли» и отдаться в стальные лапы буксировщиков.

– Что-то у него выхлоп нестабильный, – заметил Вернер, глядя через плечо Рашена на обзорный экран. – Или мне кажется?

– Нормальный выхлоп, – проворчал Боровский. – Сейчас у всех такой. Поизносились кораблики. У нас в шестом от-

ражателе здоровая дырка, а кто ее теперь залатает? Да никто. У главной пушки три импульса до капремонта осталось, и кто его будет делать? В бассейне здоровенный поц нарисован, тоже мне называется – военное судно...

– Ты хоть узнал, кто автор? – спросил Рашен, глядя вслед уходящему бустеру, превратившемуся уже в крошечную точку.

– Какой-то поц, кто еще...

– Кончай ныть.

– Да, сэр. Разрешите обратиться? Слушайте, драйвер, можно я в этот раз вниз не поеду? Тут поработаю.

– Нельзя.

– Прокладки нужно менять в главном шлюзе. Я бы лично проконтролировал...

– Нельзя, – повторил Рашен устало. – Я тебя понимаю, Жан-Поль. Никто вниз не хочет. Но есть такой порядок. Разумный порядок. От космоса нужно отдыхать. Так что будь другом, не расстраивай меня.

Боровский тяжело вздохнул и ссутулился.

– Насчет замены прокладок Энди проследит, – сказал Рашен. – Все будет ОК. Правда, Andrey?

– Конечно, драйвер. Никаких проблем.

Боровский снова вздохнул, на этот раз совсем уж душе-раздирающе, и прищурился на исчезающую в пустоте точку.

– Бедный Абрам, – сказал он. – Это, конечно, совершенно не мое дело, но... Ох, не хотел бы я сейчас оказаться на его

месте.

– А ты бы и не смог, – усмехнулся Рашен. – Ты даже в спецкостюме десять «же» не удержишь. А Файн сейчас идет на двадцати. Вернется живой – поставлю начальником разведки. Пора мужику отдохнуть как следует. Будешь с ним летать, Жан-Поль?

– А он согласится? – усомнился Боровский.

– Ну тогда Медаль за Наглость, – пожал плечами Рашен. – От медали он точно не откажется. Ему только дай. Интересно, что он с ними делает. У него этого железа уже килограммов десять.

– Он медали детям поиграть дает. Я сам видел.

– Трое у него?

– Ну.

– И что у вас за манера такая – плодиться как... не знаю, что?

– Так ведь били нас! – гордо сказал Боровский.

– Били – не добили. То ли дело нас – бац и нету, – Рашен невесело хохотнул. Он все еще стоял к Вернеру и Боровскому спиной, у самого экрана.

– А сколько вас осталось? – спросил Боровский. – Миллион?

– Да что ты... От силы пятьсот тысяч. Ну, не считая полукровок.

– Вас теперь спасут только межнациональные браки, – авторитетно заявил Боровский. – Не понимаю, чего вы так за

чистоту породы цепляетесь? Вымерете!

Рашен молчал.

– Тараканы, крысы, голуби и одуванчики, – ответил за него Вернер. – Вот кто не вымер и не вымерет.

– Люди тоже приспособились, – заметил Боровский.

– Не все. Мы очень усталая нация, Жан-Поль. И у нас нет комплекса богоизбранного народа. Стимулов не осталось размножаться, понимаете? Надоело. Сколько можно, в конце концов, заслонять собой Европу то от монголо-татар, то от арабов, то от китайцев...

– Что-то вы ее не шибко от арабов заслонили. Арабов-то мы как раз уделали.

– И ни фиги не вы, – вступил Рашен. – Арабов мочили немцы и французы. Китайцев долбали всем миром. А вы, жида пархатые, с этого дела купонов настригли. Сколько ваших в Совет Директоров пролезло, а?

– А где теперь государство Израиль? – парировал Боровский.

– Там же, где и Россия. Но вас стало много, а русских – наоборот.

– Сами виноваты. Могли бы снюхаться с китайцами и поделить мир. Или наоборот, в НАТО вступили бы.

– Да не успели мы! – раздраженно сказал Рашен. – В России только-только перед самой Заварухой нормальная жизнь наладилась. И тут – на тебе... Знаешь, Жан-Поль, был такой народ – украинцы. И был замечательный анекдот о том, как

украинец поймал золотую рыбку. Она ему: проси, чего хочешь. Три желания. А он говорит: хочу, чтобы Турция напала на Швецию. А потом чтобы Швеция напала на Турцию. И еще раз Турция на Швецию. Рыбка спрашивает – да на хрена это тебе? А украинец отвечает: уж больно здорово, как они через Москву будут носиться туда-сюда...

– Пророческий анекдот оказался, – заметил Вернер.

– Не то слово, Энди. А ведь действительно вся планета спала и видела, как бы от нас избавиться. Очень уж Россия была неудобное государство. Тоже в своем роде Израиль, только большой и с атомными бомбами. И вот нас не стало. А что толку? Пустыня. Говорят, правда, что живут какие-то племена на побережье Северного Ледовитого океана. Мутируют потихоньку. Идолам поклоняются, кретины.

– Что ж они там едят? – удивился Боровский.

– Друг друга.

– Тяжелый случай.

– Не знаю, – Рашен повернулся к собеседникам и усмехнулся одной стороной рта. – У меня от прадеда дневник остался. Настоящий, на бумаге. И там блестяще описано, как они в Париже крыс на вертеле жарили. Когда всех голубей слопали. Это что – жизнь? Которое поколение на Земле ест досыта? Пятое? Шестое?

– Допустим, на Марсе и Венере тоже народ не шоколадом объедается, – ввернул Боровский. – Таковую же синтетику жрут, что и мы.

– Это ты к чему? – не понял Рашен.

– Я к тому, что воевать в принципе нехорошо.

– Ты бы это верующим сказал. Лет сто назад, а лучше все пятьсот. Всяким религиозным фанатикам.

– Простите, драйвер, а вы всерьез считаете, что без религий лучше?

– Религия – опиум для народа, – отрезал Рашен. – Костыли для нравственно безногих. И мощный способ зомбирования.

Боровский закусил губу.

– Есть такая русская поговорка: заставь дурака Богу молиться, он и лоб расшибет, – поддержал Вернер. – Вот и расшибли.

– Был еще такой умник – Папа Римский, – вспомнил Рашен.

– Злые вы, – сказал Боровский. – Одно слово – русские.

– «Синагога, бесплодная и бесполезная, найдет приют в стране неверных...», – процитировал Нострадамуса Рашен. – Ну что, Жан-Поль, обрезала вам крылья дочь Вавилона, а?

– Как бы теперь нас всех не ощипали, – сообщил Боровский зловеще. – Кругом засада. Либо Абрам на чужих наткнется, либо Собрание Акционеров флот разгонит. От чужих-то, может еще отобьемся...

– Не надо про чужих, – попросил Рашен. – Не отобьемся мы.

– Ну да! – возмутился Боровский. – Как это?! Или мы уже не группа F? Не бригада Attack Force?

– Мы банда истериков и психопатов, Жан-Поль. И в бассейне у нас hiі нарисован. Что ты знаешь о чужих? Что на них теория относительности не распространяется, это ты знаешь? Что они экранируются почти идеально, ты в курсе? А как они Плутон выпотрошили?!

– Дался вам этот член в бассейне... – буркнул Боровский. – Как будто его на двери у вас нарисовали...

– Знаешь... – Рашен машинально поглядел на динамик громкой связи и весь передернулся. Он никак не мог забыть, что система оповещения целый год ловила каждое его слово. Вернер не стал полностью лишать динамики их шпионских функций, он только обезопасил каюты старших офицеров и отсеки управления. Теперь здесь можно было говорить свободно, но Рашен все не мог отделаться от мысли, что ему плюнули в душу.

– Знаешь... – повторил Рашен. – Когда эти гады внизу начали разлагать войска, я им первое время подыгрывал. Думал, что взвинченная и задерганная армия в случае чего скорее меня послушает, чем Адмиралтейство. А теперь... Даже не знаю. Страшный бардак на кораблях. Чудовищный. Теряем боеспособность не по дням, а по часам. Нам сейчас война нужна позарез, Жан-Поль. С кем угодно, лишь бы делом заняться. Только вот чужие... Слабоваты мы против них.

– Ну давайте тогда Землю на уши поставим, – предложил

Боровский. – Бомбанем разок для острастки... Разве плохо, если вы станете Председателем Правления?

– А Задница – Генеральным Директором! – рассмеялся Вернер.

– Задница на все готов, – заметил Рашен без тени улыбки. – Он вниз год не спускался. Бойтся.

– Так я и говорю, – кивнул Боровский. – Захватим власть, запретим монополии, построим демократию, нарастим мощный флот, чужих распатроним. Пиратов и контрабандистов прижмем. И заживем по-людски. Тем более, что с Марсом и Венерой отношения налажены. Их главное не пугать больше.

– Как все просто... – сказал Рашен с непонятной интонацией. – Как все просто, оказывается.

– А может, действительно все просто? – осторожно спросил Вернер.

– Я тут спросил Задницу, сколько мы народу ухлопали, – вспомнил Рашен, – а он кивает на крашеры и десант. Как будто группа F всю войну металлолом возила. Господа, вы готовы снова убивать? И не каких-нибудь чужих, а самых что ни на есть своих, а? Убивать просто за то, что они с нами могут оказаться несогласны...

– Да бросьте вы эти русские штучки! – посоветовал Боровский. – Военный вы или нет?

– Наверное я так и не стал военным, – горько вздохнул Рашен. – Как я был пилотом, так им в душе и остался.

– А зря.

– На себя посмотри, тоже мне, массовый убийца. Вниз бо-ишься ехать, прокладки у тебя, видите ли...

– Короче говоря, – заключил Боровский, – вы еще ничего не решили.

– Не бойся, – сказал Рашен. – Когда время придет, я быстро решу. Все равно нам идти на профилактику через месяц.

– Ага! А если «Тушканчику» пушки отвинтят? В целях профилактики, так сказать?!

– Не отвинтят. Мы еще летаем.

– Хорошо бы! – рывкнул Боровский с вызовом.

* * *

По корабельному времени стояла глубокая ночь, когда тишину разорвали колокола громкого боя. «Тушканчик» вздрогнул: реактор выбросил энергию в накопители. И от этого толчка проснулись даже те, кого сигнал «к бою» едва-едва заставил разлепить глаза. Потому что круизер изготовился к стрельбе.

Ива влетела в боевую рубку второй, сразу после Фокса. Бомбардир уже сидел в кресле и одной рукой тянул на себя ремни, а другой нервными резкими движениями оглаживал контактную доску, выводя пушки на режим поиска.

– Что?! – крикнула Ива, прыгая на место, врубая одним движением всю ходовую автоматику и впиваясь глазами в монитор. – Где?!

– DN! – выплюнул Фокс. – NES! Бля! – теперь он уже терзал доску обеими руками. Корабль мелко завибрировал: главный калибр вышел на режим. С тихим шипением задрожали люки в переборках.

– Боевая! – рявкнул в динамиках голос Рашена.

– NES! – отрапортовал Фокс. На боевом языке это значило «no enemy spotted». Брошенное им раньше DN было его личным изобретением и расшифровывалось как «I don't know».

– RM, – добавила Ива свое уставное «ready to move». Добавила с ленцой в голосе. До нее вдруг дошло, что пустует кресло старпома. Значит, Боровский вместе с Рашеном глядит на монитор контроля готовности и чешет в затылке, отмечая, кто опоздал.

– Это учебная, Майк, – сказала Ива. – Расслабься.

– Учебная тревога. Полная готовность две минуты тридцать одна секунда, – сообщил Рашен. – Всем отбой. Ну и что мне теперь с вами делать, астронавты?

– Быть такого не может! – выдохнул Фокс, невольно поднимая глаза к динамику. – Сколько-сколько времени?

– Все слышали? – спросил Рашен. – Две тридцать одна. Молодцы. До команды оставаться на местах. Сейчас мы вас обойдем и послушаем, какие вопросы. Ждите.

– Фффух! Ой... – Фокс поник в кресле и сжал руками виски. Ива откинулась на высокую спинку и принялась глубоко вдыхать и выдыхать, надеясь, что возбуждение рассосет-

ся само, не заставляя члены мелко трястись. «Тушканчик» несколько раз конвульсивно содрогнулся, будто у него тоже схватило голову.

– У «старика Пола» тоже отходняк, – заметил Фокс, доставая болеутолитель. – Хочешь таблеточку, Кенди?

– Нет, спасибо. А который час? – спросила Ива, отстегивая ремни. Спыхватившись, она посмотрела на вмонтированный в манжет спецкостюма циферблат. – Ого, почти четыре уже... Слушай, Майк, как это может быть, а? Мы же рекорд флота на полминуты улучшили.

– На двадцать девять секунд, – невнятно уточнил Фокс с набитым ртом, тоже высвобождаясь из ремней. – Да, накликал Рашен проблему себе на голову. Нас ведь поощрять теперь придется. А ты помнишь, когда последняя учебная была?

– Не-а.

– Вот именно. А я тебе скажу: не было учебных тревог с самого конца последней кампании. Год уже. Потому что как только все улеглось, Совет Директоров поставил вопрос о роспуске флота. А кому нужна учебная на корабле, который скоро по гайкам растащат?

– Ну и что? – спросила Ива, ослабляя застёжки спецкостюма. Она была одета по полной форме, включая трехслойное белье. Сказались месяцы тренировок, когда все действия по тревоге доводились до полного автоматизма. В первый раз Ива надела спецкостюм в шестнадцать лет. А первую боевую

награду получила в двадцать.

– Что-то я дерганый стал, – пожаловался Фокс. – Ты не заметила?

– Майк, ты был прекрасен, как всегда. Ты работаешь – это фантастика. У тебя настоящий талант.

Фокс довольно хрюкнул и потянул из кармана огрызок сигары.

– Э! – возмутилась Ива.

Фокс поглядел на зажатый в руке окурок и быстро его убрал обратно. Случаи курения на борту вообще не рассматривались дисциплинарным уставом ввиду их полного безумия.

– Виноват, – сказал Фокс. – Ты посоветовала расслабиться, вот я и расслабился.

– Сейчас Рашен придет, он тебе расслабится, – пообещала Ива.

– Салага, – бросил Фокс через плечо. – Курсант Кендалл, снять штаны, предъявить наличие трусов.

– У меня-то они как раз в наличии. А ты уже без смазки в костюме не влезаешь.

– Угу, – вздохнул Фокс. – Я так полагаю, это меня на нервной почве разнесло.

– А ты не переживай, – посоветовала Ива. – Поедем вниз, зайдем в кабак, выпьем, станцуем, найдешь себе девчонку по вкусу – снимет все твои нервы как рукой.

– Не хочу я вниз, – сказал Фокс упавшим голосом. – Не

хочу, и все тут. Мы же опять в город не выйдем, проторчим на базе весь срок.

– А на базе что, гульнуть негде?

– Меня раздражает эта толпа у ворот. Я все время помню о том, что она есть, понимаешь, Кенди? А кто в толпе, а? Простые люди. Нормальные люди. Добрые в принципе люди. Не злые. Стоят и держат плакаты: «Валите, убийцы, в свой космос!». Отсюда их тоже можно разглядеть, если настроить оптику. Хотя не буду я вниз смотреть, больно надо...

Фокс не успел закончить свою пространную жалобу, потому что люк ушел в стену, и в боевой рубке появился Рашен с мобильным терминалом под мышкой. Астронавты вскочили.

– Вольно, вольно, – разрешил адмирал. – Значит так. Майкл, ты был на месте в две одиннадцать, а ты, Иветта, в две восемнадцать. Блестящий результат. Вопросы, жалобы, предложения?

– Никак нет! – хором отозвались Фокс и Ива.

– Я не стану вас благодарить от лица командования, дамы и господа, – сказал Рашен, – поскольку командованию на ваши успехи наплевать. А вот от себя лично... Будем внизу – бутылку поставлю. Все, глушите технику – и по койкам. Лишний час сегодня можете валяться. И спасибо еще раз за службу. Молодцы.

– А кто первый успел? – спросил Фокс.

Адмирал уже повернулся к выходу из рубки.

– Лучший результат у техников, – бросил он через плечо.

– Ни фига себе! – изумился Фокс. – Им дальше всех бежать!

– Вот именно, – кивнул Рашен и вышел.

– У Энди тоже к работе талант, – сказал Фокс. – Как и у меня.

– А у меня? – притворно обиделась Ива.

– А у тебя глаза очень красивые и попка аппетитная, – утешил ее бомбардир.

– Жопа ты, Майк, – усмехнулась Ива, отрубая питание ходовой части. – Шовинист. Не веришь, что женщина может чего-то в жизни добиться, занять достойное место...

– Место женщины – в сердце мужчины, – сказал Фокс, доставая свой окурок. – А если женщина такая дрянь, что ее никто не любит, вот тогда она начинает кричать о половой дискриминации.

– А если женщина сама никого не любит? – спросила Ива, потягиваясь.

– Значит, время ее не пришло, – объяснил Фокс с такой серьезностью, что Ива расхохоталась.

– Пошли... философ, – сказала она и шагнула через порог. Фокс воткнул окурок в угол рта и последовал за ней.

По рабочей зоне сновал оживленный народ. Легко было заметить, что впервые за очень большой срок астронавты почувствовали себя комфортно. Глаза у всех горели, люди бурно жестикулировали и говорили куда громче, чем было нужно. Ива и Фокс отвечали на приветствия, довольно раскла-

нивались, и их тоже постепенно охватило радостное возбуждение.

– Фиг заснем теперь, – заметил Фокс. – Боевая эйфория в чистом виде. Эх, и стрельнул бы я сейчас! На поражение! А ты бы сейчас порулила, а, сестренка?

– Да я бы и стрельнула, – отозвалась Ива. – Так ведь ты не дашь.

– Не положено. Мужское дело стрелять, женское рулить.

– Кто там говорил о половой дискриминации?

Теперь рассмеялся Фокс.

На входе в жилую зону они столкнулись с парой взмыленных техников, волочивших по коридору какой-то громоздкий аппарат. На вопрос Фокса, что стряслось, техники нервно хохотнули и скрылись за углом. Ива проводила их взглядом и вдруг почувствовала легкую тоску разочарования. Она поймала себя на том, что была бы очень рада, если бы одним из техников оказался Вернер.

– А зачем вообще это все было? – спросил ее Фокс, когда Ива остановилась у двери своей каюты.

– Ты про что? – удивилась Ива, задумавшаяся о своем.

– Я вот понять не могу, какого хрена Рашен устроил тревогу именно сейчас, – объяснил Фокс. – Мы скоро на профилактику встаем. Ну и учинил бы нам встряску под занавес, чтобы службу не забывали. А сегодня... Может, войнушка наклевывается? Ты же знаешь, у Рашена на такие штуки феноменальный нюх.

– Да по мне хоть война, лишь бы вниз не ехать, – неожиданно для себя выпалила Ива. Смущенно посмотрела на обалдевшего Фокса, пробормотала: «Ну, пока» и скрылась в каюте.

– А пойду-ка я потренируюсь и малость погоняю своих бездельников, – буркнул Фокс и повернул в сторону оружейной палубы.

* * *

В душевой шумно плескалась сменившаяся навигационная вахта, она же третья, она же «вахта Кендалл».

Стараясь не смотреть вниз, откуда просвечивал красным двухметровый фаллос, Ива несколько раз перенырнула бассейн. Выгребла на середину, улеглась, раскинув руки, на спину, и замерла в неподвижности и блаженстве. Насыщенная лечебными солями вода была гораздо плотнее обычной и легко держала на поверхности ее стройное тело. Ива закрыла глаза и постаралась, согласно инструкции, задуматься о приятном и необременительном. Почему-то сразу пришло на ум, как здорово шпарить на полной тяге, слушая командные завывания из динамика и треск «доски» под руками Фокса. Наблюдая прямо по курсу огненные шары разрывов. Мягко оглаживая контакты и чувствуя, как малейшее твоё движение отдается в послушном организме корабля...

– Тысяча извинений, капитан! – раздался с бортика моло-

дой звонкий голос. – Не беспокойтесь, я к вам спиной... Тут идея одна у парней, а я вроде парламентаря к вам...

– Что такое, Кристоф? – спросила Ива, лениво открывая глаза.

– Мы задумали в свободное время ходовые учения смоделировать... Завтра вечером. Только не как обычно, а в два корабля. Бросок через Пояс, чисто на скорость, наша вахта против ребят Фальцфейн. Госпожа Фальцфейн вроде не против, но у нее какие-то личные дела, а нам желательно, чтобы опытный посредник наблюдал. Арбитр. Может, вы посмотрите? Мы в ускоренном режиме, за пару часов управимся...

– Прямо взрыв энтузиазма, – усмехнулась Ива. – Соскучились по работе, балбесы?

– Хочется! – не без вызова сказал Кристоф.

– Ладно, согласна. Только предупредите меня за часок. Все?

– Да нет... Понимаете, капитан, мы в библиотеке сядем, нам бы туда бросить линк от ходового процессора. Чтобы все было по правде.

– Ага. И я, значит, должна идти к техникам договариваться.

– Ну... В общем, хорошо бы.

– А что бы тебе самому не подойти к старшему технику и не сказать, что я в курсе, и все под мою ответственность?

– Ну... – Кристоф замялся. Слышно было, как он на мокром бортике переминается с ноги на ногу.

– Очень ты стеснительный, Кристоф. К человеку подойти боишься, ко мне вот спиной встал...

– Я к вам спиной чтобы не мешать, – объяснил Кристоф. – А лейтенант Вернер, он такой... Ну, мы его совсем не знаем еще. И потом, он все время где-то в центральном стволе. Как я его вызову? Кто я ему?

Забыв, где она, Ива перевернулась на бок, мгновенно ушла под воду и чуть не захлебнулась. Отплевываясь, подплыла к бортику, ухватилась за поручень и, отбросив волосы со лба, посмотрела снизу вверх на смущенного Кристофа. Тот действительно стоял к бассейну спиной. Ива про себя отметила, какая у мальчишки рельефная мускулатура и с тоской подумала, что не была в тренажерном зале минимум полгода.

– Ты же вроде тоже лейтенант, Кристоф, – сказала она, выбираясь на бортик и усаживаясь, свесив ноги в воду.

– Я чайник второго класса. А он мастер и боец. Да, я стесняюсь. Извините.

– С чего ты взял, что Вернер такой уж боец? – пробормотала Ива, разглядывая свой шрам под грудью. Боевые шрамы астронавты не заращивали. Носили их как медали. Ива вспомнила белую рваную полосу на предплечье Вернера и подумала: рассказ о том, как он «полз и зацепился» – вранье.

– Он же тонул на «фон Рее». Потом на «Декарде» горел. С Рашеном он запросто... По имени. И ребята говорят, его из экипажа «Горбовски» в самый последний момент вывели.

Вроде бы Рашен попросил.

– Ладно, – вздохнула Ива. – Во сколько вы завтра...?

– В девятнадцать бортового. Если, конечно, будет линк. Потому что на обычных компьютерах это несерьезно, сами понимаете, капитан. Вы извините, больше попросить некого... А хотелось бы погонять от души.

– Будет тебе линк, Кристоф, – сказала Ива, поднимаясь на ноги. – Будет тебе полноценная модель в реальном времени. Это ты хорошо придумал, молодец. Значит, найдешь меня завтра в восемнадцать, – она хлопнула Кристофа по плечу и пошла в сторону душевой, но на полпути обернулась.

Кристоф поспешно опустил глаза, но успел охватить Иву взглядом с ног до головы. Воздух в зале был прохладный, и небольшая грудь Ивы с торчащими в стороны и вверх сосками, крепкие стройные ноги в капельках воды, прямые сильные плечи – все это гладкое упругое тело было сейчас чуть напряжено и выглядело отлитым из металла. Кристоф медленно залился краской. Иве захотелось рассмеяться. Очень уж мальчик не умел скрывать эмоции.

– Совсем забыла, – сказала Ива. – Кто от нашей вахты будет в гонках за старшего навигатора?

– Я... – с трудом выдохнул Кристоф, глядя в пол.

– Отлично. Так вот, лейтенант. Ты, конечно, еще не мастер, но задатки у тебя приличные. Лет через десять и к тебе адмиралы будут обращаться по имени. Я это вот о чем. Если ты после всех моих трудов не обгонишь вахту Фальцфейн...

– Мы их сделаем! – поспешно заявил Кристоф.

– ...то я тебя сама погоняю, – заключила Ива. Повернулась и ушла в душевую. Кристоф проводил ее безумным взглядом, оттянул плавки, с тихим стоном высвободил напряженный до боли член и принялся гладить себя. Он ничего не мог поделать: перед его глазами мучительным наваждением стояли капельки воды на вьющихся золотистых волосах, и за то, чтобы припасть к этим волосам губами, он готов был отдать все на свете. А уж проникнуть туда, под это сверкающее золото, в сокровенную глубь прекрасного тела...

Из душевой высунулся младший навигатор вахты Кендалл и тут же нырнул обратно.

– Наш Кристоф совсем от любви рехнулся, – объявил он. – Стоит и дрожит.

– Подумаешь... – сказали ему. – Все такие. Ты ее, что ли, не хочешь?

– Да я ее обожаю! Но не до такой же степени, трам-тарарам. Это даже как-то неприлично.

– Мне вот интересно, это он с горя дрожит, или на радостях?

– В смысле?

– В смысле, поговорит она с Вернером, или как? Что толку гоняться на обычных компьютерах, баловство одно. Вот если действительно на нас будет работать ходовой процессор...

– Да не бойся ты. Все ОК. Она на этого Вернера запала. Точно говорю.

– Это получается, мы ей даже подыграли?

– А то! По-моему, мы после этого отличные ребята. Вилли, нальешь коллегам по стакану за успех капитан-лейтенанта Кендалл? Нам она все равно не даст, так пусть хоть кому-то...

– За такое дело налью. Собирайтесь, пошли. А этот Вернер ничего мужик... Порода чувствуется. Хотел бы я посмотреть, как он ее. Или она его.

– Фу, Вилли, как не стыдно!

– Да я так, теоретически. В интересах чистой эстетики. Очень уж она сексуальная женщина. Должна, по идее, трахаться как кошка, направо и налево. А ведь ничего подобного. Вот мне и интересно – почему? Ладно, пойдем.

– погоди, а Кристоф?

– Тоже верно. Он-то стакан заслужил, в отличие от некоторых. Узнай, Ален, как там наш приятель, кончил?

– Ну ты сказал! Что, прикажешь мне высунуться и спросить – Кристоф, дорогуша, ты кончил уже?!

Дверь отворилась, в раздевалку вошел Кристоф. Судя по виду, он все еще был основательно не в себе.

Вахта Кендалл, позабыв свойственную военным астронавтам деликатность, встретила коллегу громовыми аплодисментами.

В интерьере каюты старшего навигатора доминировало мощное кресло с массой регуляторов и контактов в подлокотниках. В стене перед креслом помещался многофункциональный терминал. В экстренных случаях Ива могла включиться в боевые действия, будучи, что называется, одной ногой в постели.

Ива бросила халат на кровать, достала из шкафа легкий спортивный костюм и натянула его на голое тело. Потом уселась и вызвала капитана Фальцфейн. Та отозвалась немедленно. Темные волосы мастер-навигатора Фальцфейн оказались слегка растрепаны, взгляд блуждал. То ли девушка была под мухой, то ли еще что.

– Привет, Марго, – сказала Ива. – Я не помешала?

– Да ну! – отмахнулась та. – Чем тут можно заниматься, чтобы тебе помешали? Обстановка не та.

– Ты действительно занята будешь завтра?

– А-а... – усмехнулась Марго. – Нет, честно говоря. Но мне все эти гонки... Баловство для малышни. Нас не сегодня-завтра распустят. Что толку старое ворошить?

– А помнишь, как мы через Пояс ходили?

– Мало ли куда мы ходили. Ива, ты не думай обо мне плохо, но я правда не хочу. Могу я не хотеть? И тебе советую: наплюй. Смотри на вещи трезво. Ни к чему все это. Я, на-

пример, мыслями давно уже внизу.

– Но телом-то ты наверху. Мало ли, как все обернется.

– Я тебе скажу, как все обернется, сестренка. Пару раз мы еще прокатимся туда-сюда, а потом «Муад-Диб» встанет на капремонт. Только не надейся, он пойдет не в орбитальные доки. Нет, милая, его спустят вниз. А там снимут пушки и отправят на металлолом. Или в буксировщик переделают. И все. Чем ты займешься тогда? Извини. Просто меня удивляет, как ты за свой мундир цепляешься. Ты же всегда хорошо соображала, милая. Ты бы лучше готовилась к тихой спокойной жизни внизу.

– Счастливая ты баба, Марго, – без тени иронии сказала Ива. Маргарета фон Фальцфейн через два месяца подавала в отставку и выходила замуж. Все у нее было уже решено. Жених, референт одного из Директоров, ставил перед Марго единственное условие: забыть, что она была военным астронавтом, и никогда об этом не заикаться. Он уже заготовил для будущей супруги благопристойную легенду – историю о девушке из космодромной обслуги, с которой познакомился во время командировки на Марс.

– Наверное счастливая, – подумав, согласилась Марго. – Не знаю, как я там буду, внизу, но постараюсь своего не упустить. Рожу, это точно. Лучшее средство от воспоминаний. Лет на десять забот полон рот.

– Ладно, – вздохнула Ива. – А я, пожалуй, все-таки устрою ребятам праздник. Хоть посмотрю, как они твоих охламонов

уделяют.

– Давай-давай, – усмехнулась Марго. – Мастурбируй. Честное слово, я тебя не понимаю. Что ты будешь делать, когда группу F разгонят?

– Понятия не имею, – призналась Ива. – Попрошусь, наверное, в коммерческий флот.

– Так они тебя и возьмут! Мало мы грузовиков спалили?

– Ой, Марго, не трави душу!

– Прости, сестренка. Конечно я тебе не советчик. Может, так и надо. Ты сядешь с молодыми в библиотеке дурью маяться, а я достану здоровенный резиновый член и засуну его себе по самые печенки. И буду всем сердцем тебе сочувствовать. Чертовски увлекательное занятие: тарашиться сразу на двадцать мониторов и давать вводные. Такая производственная мастурбация. Пир во время чумы. Куда веселее, чем обычный секс, а?

– Дура ты, – сказала Ива от души и отключилась. Некоторое время она сидела, поджав губы от злости, сложив руки на груди и стараясь не расплакаться. Очень уж Марго была в своих рассуждения близка к истине.

Слегка успокоившись, Ива набрала вызов старшего техника. Вернер откликнулся не сразу, и экран монитора остался черным. Координаты абонента указывали, что он сейчас в центральном стволе «Тушканчика», в разгруженной зоне.

– Да, – сказал голос Вернера. – Я вас слушаю, капитан.

– Вы очень заняты, Эндрю? – спросила Ива робко.

– Страшное дело, – ответил Вернер. Голос его раздавался на фоне треска и шипения. Где-то далеко, на пределе слышимости раздался металлический лязг и кто-то спокойно произнес: «Восемь. Отлично. Теперь левее».

– Внимательней там! – прикрикнул Вернер, отвернувшись от микрофона. – Почему восемь? Должно быть минимум одиннадцать! Повторить!

– Может, я потом? – спросила Ива.

– Секунду, – попросил Вернер. Похоже, он был не в спеckостюме и говорил со стационарного терминала в центральном стволе. Примерно минуту Ива с интересом слушала, как он ровным, но очень жестким тоном распекает подчиненных, у которых снова получилось восемь, а не одиннадцать. Потом совсем близко от микрофона раздалось тяжелое сопение и что-то шумно ударилось о твердое.

– Бля! – выдохнул незнакомый голос.

– Ас-тро-навт! – сказал издали Вернер с нескрываемой издевкой.

– Так точно, сэр! – отозвались вблизи микрофона не менее язвительно. – Кто же еще. Чужие здесь не ходят.

– Извините, капитан, – Вернер опять был совсем близко. Судя по всему, он в разгруженной зоне передвигался легко и непринужденно. – Так что там у вас стряслось?

– Может, я правда вас потом найду?

– Откровенно говоря, капитан, я бы попросил. Мы тут слегка авралим. Знаете что? Я вернусь в рабочую зону где-

то через шестьдесят минут. Где я смогу вас найти?

– А вы заходите ко мне, – предложила Ива и сама испугалась того, как естественно вырвались у нее эти слова.

– Нет проблем, – сказал Вернер. – А сейчас извините. До свидания.

– До свидания, – сказала Ива, отключая связь и замирая в смущении. Голос Вернера все еще отдавался у нее где-то в глубине души. Никогда с ней раньше такого не случилось, Это ощущение было необычно, тревожило, беспокоило, от него хотелось освободиться. И в то же время, изгнать из себя странное чувство внутреннего смятения означало не почувствовать его до конца, не понять, что же за ним стоит.

Ива повернулась вместе с креслом и задумчиво оглядела свою тесную каюту, пытаясь за что-то зацепиться взглядом и успокоиться. «Неужели я влюбилась? – подумала она. – Вот глупость. Или это просто сексуальный психоз? Заразилась от Марго. Все с ума посходили. Марго в такой ситуации достала бы из шкафа вибратор. А я?. Однако, ну и бардак у меня тут... Он же сюда придет...»

Мастер-навигатор капитан-лейтенант Иветта Кендалл вскочила и принялась собирать разбросанное по каюте барахло.

* * *

Энди Вернер подался в астронавты с голодухи. Никогда

он не рвался в космос, тем более – на военные суда. Вернеры были потомственными медиками, и Энди с детства знал, что станет нейрохирургом, как отец. Это было его призвание: точные приборы, высокие технологии, работа с микронными допусками, когда малейший просчет означает смерть пациента, и значит, просчета быть не должно. Отец Энди давал ему тренироваться на муляжах и закрывал глаза на то, что мальчишка сбегает в клинику с уроков. В школе хроническое отсутствие Вернера терпели. Экзамены по большинству предметов он умудрялся сдавать более-менее нормально, а счета за обучение всегда были оплачены в срок. Даже одноклассники ни разу толком не побили этого наглого выскочку.

Позже Вернер не вспоминал то время – прекрасные дни, когда жизнь на Земле постепенно налаживалась, появлялось все больше еды и красивых интересных вещей, а люди были счастливы предчувствием, что все беды позади и дальше будет еще лучше. Кошмарная Полночь, до самых основ потрясая Землю, отступала. Даже в пророчествах Нострадамуса на ближайшую тысячу лет ничего дурного не планировалось. На улицах Парижа открывались кафе, заново отстраивался Рим, а в далекой сытой Америке вообще намечался перманентный рай земной.

В эту самую Америку родители Вернера и собрались в отпуск. Им очень хотелось посмотреть страну, большая часть которой осталась такой, как в легендарные старые времена –

зелень, синие реки, и даже, говорят, дикие животные. Энди тоже мечтал увидеть какого-нибудь зверя и очень радовался поездке. Вместе с сотней других европейских туристов семья пересекла Ла-Манш, вступив таким образом на американскую территорию, прошла санитарный контроль и погрузилась на лайнер-субмарину, направлявшуюся через Северный полюс в метрополию.

Энди стоял в ходовой рубке и благоговейно наблюдал за работой экипажа, когда лодка на крейсерской скорости протаранила неизвестный объект. Пассажирский отсек затопило в несколько секунд и выйти оттуда никто не успел. Из пятнадцати чудом выбравшихся на поверхность десять человек умерло от переохлаждения. Остальных вовремя подобрали спасатели. Через две недели осунувшийся Энди вышел из больницы на улицу Ванкувера, огляделся и понял, что идти ему некуда.

У него были деньги, и в кармане лежал билет домой. Но парижская квартира пошла с молотка за неожиданно серьезные долги отца, а страховка оказалась мизерной. Как большинство европейских семей, Вернеры жили в кредит. По возвращении на родину Энди предстоял визит в инспекцию по делам несовершеннолетних и масса других приятных вещей.

– Подкормить-то мы тебя найдем, чем, – сказал ему главврач. – Но насчет работы – извини. Во-первых, нам местных санитаров девать некуда. А во-вторых, тебя все равно имми-

грационный контроль накроет. Честное слово, ехал бы ты на родину.

Пару недель он скитался по городу. Ночами заливался слезами в маленькой комнатке дешевого пансиона, а днем искал способы выжить. Он не мог ехать в Париж. От одной мысли, что он теперь один будет ходить по улицам, где все напоминало счастливые детские прогулки за руку с обожаемыми родителями, ему становилось дурно. А еще он безумно не хотел в приют.

Потом кончились деньги, потом его вежливо попросили и из пансиона, и с больничной кухни. Никому он был не нужен во Франции, никому оказался не нужен и в Америке. Ему было пятнадцать лет, и он остался совершенно один. Энди вышел на непривычно зеленый бульвар, присел на скамейку и заплакал.

– Что, браток, проблемы? – весело спросили его.

– Да пошел ты... – сказал Энди по-русски, не поднимая глаз.

– Какой ты невежливый, земляк! – рассмеялся все тот же голос. – И нечего реветь. Moskva slezam ne verit.

Энди ошеломленно уставился на собеседника. Перед ним стоял молодой человек лет двадцати пяти с жестким мужественным лицом и живыми смешливыми глазами. Одет он был в форму военного астронавта с лейтенантскими нашивками.

– Yolkee-palkee! – воскликнул молодой человек, хлопая

себя по лбу. – Так я тебя знаю! Это ведь ты американскую подлодку утопил! Ну, земляк, ты везунчик! А им, уродам, так и надо!

Энди против воли улыбнулся.

– Так, – сказал лейтенант, усаживаясь рядом и протягивая руку. – Честь имею, навигатор первого класса лейтенант Uspensky Oleg Igorevich. А ты, дружище...

– Andrey Verner, – сказал Энди, одной рукой утирая слезы, а другой пожимая крепкую ладонь.

– Я читал в новостях, – кивнул лейтенант. – Считаю, я все про тебя знаю. Кроме одного: куда ты теперь собираешься, и как вообще дальше...

– Понятия не имею, – признался Вернер и с ходу рассказал лейтенанту всю короткую историю своей жизни, завершившуюся столкновением с экранированной от радарного сигнала военной субмарины, дежурная вахта которой прошляпила гражданский лайнер, идущий лодке в борт.

– Да, – сказал лейтенант, выслушав Энди. – Знаешь, дружище, в чем истинный смысл второго закона термодинамики? Как ни упираться, а бардака все больше. И чем серьезнее ты упираешься, тем страшнее неразбериха. В космосе, доложу я тебе, все то же самое. Но бывают такие люди – везучие, которых это не касается. Вот ты, например. Сел на скамеечку, и тут же подошел человек, который может кое-что подправить. Главное, как меня сюда занесло, не представляю. Я обычно другим путем хожу, он короче. Ну ладно, Andrey,

пошли.

– Куда? – спросил Энди.

– Тебе пятнадцать, – сказал лейтенант. – Я верю, что имея соответствующий инструмент, ты можешь распилить мою башку пополам, и я от этого стану только умнее. Но в клинику тебя сейчас даже санитаром не возьмут. Соображаешь?

– А то, – невесело усмехнулся Энди. Уж что-что, а это он уже выяснил.

– Значит, тебе нужно как-то перекантоваться несколько лет при халявной кормежке и жилье, – продолжил лейтенант. – Ничего, что я так по-простому, без церемоний? Давай уж реально смотреть на вещи.

– Да я понимаю, – кивнул Энди.

– В Париже тебе дадут нищенское пособие и загонят в дешевую школу. Потом ты пойдешь на завод и будешь там вправлять мозги роботам, а ночами станешь готовиться в университет. Тебе придется очень туго, но ты пробьешься и получишь стипендию. Еще пять лет впроголодь с жуткими нагрузками, потому что днем ты будешь учиться, а ночами вкалывать санитаром. Учиться ты будешь очень хорошо, чтобы не отняли стипендию, и работать тоже придется до седьмого пота, чтобы не выгнали. И это еще лучший вариант. Это, считай, если тебе по-прежнему будет везти. Но может статься, что ты останешься до конца своих дней на заводе. На гидропонной фабрике какой-нибудь... Достойное место для тебя?

– Господин лейтенант, – сказал Энди твердо. – Не надо меня уговаривать. Я и сам понимаю, в каком положении оказался. Куда вы меня зовете? Расскажите – я пойду. Я вам почему-то верю.

– Молодец! – сказал лейтенант. – Это ты правильно. Мне нужно верить, у меня профессия такая. Представляешь – говорю я капитану: сэр, отказ ходового процессора. Управляться не могу. А он не верит... М-да. Так вот, Andrey. Если ты разбираешься в медицинской технике, то вся наша аппаратура для тебя не сложнее молотка. К восемнадцати получишь классную профессию и, как военный, массу льгот. И сможешь перевестись на медицину запросто. Если захочешь, конечно. Вот и решай. До училища десять минут ходу.

– Не знаю, – пробормотал Энди. – Училище... Выше ногу, курсант...

– Да что ты! – рассмеялся лейтенант. – Это же космическое! Там второй принцип термодинамики работает вовсю. И ребята отличные, гарантирую.

– Я по возрасту не подхожу... – робко заметил Энди.

– Сделаем, – отмахнулся лейтенант.

– А вы что там, преподаете?

– Нет. Подбираю себе экипаж из выпускников. Меня временно на учебную базу загнали. Так сказать, в воспитательных целях. За грубость и нетактичное поведение. Но я это училище знаю неплохо. Поверь, там вполне можно жить. Кормят от пуза, отдельные комнаты, и повторяю, очень при-

личный народ. В общем, смотри.

– Я хотел бы еще подумать, – сказал Энди.

– Три дня. Потом я уеду. У тебя деньги есть? Ты вообще когда ел последний раз?

– Погодите, господин лейтенант, – попросил Энди. Он спрятал лицо в ладони и несколько минут, сопя, просидел неподвижно. Лейтенант спокойно ждал.

– Все правильно, – сказал Энди, убирая руки от лица, которое оказалось красным и слегка дергалось. – Все правильно. Я пойду с вами.

– Ты быстро соображаешь для своих лет, – заметил лейтенант. Он поднялся, Энди тоже встал. – Попомни мои слова, даром тебе это не пройдет.

– То есть? – не понял Энди.

– Не быть тебе адмиралом, – объяснил лейтенант. – Впрочем, как и мне.

У дверей училища Энди внезапно остановился.

– Все нормально, – улыбнулся лейтенант. – Я с тобой. Все будет ОК.

– Да нет, – сказал Энди. – Я хотел спросить... Вы мне помочь решили потому что я тоже русский?

– Ничего себе! – улыбка лейтенанта растянулась чуть ли не до ушей. – А кому еще помогать-то на этой планете? Ладно, не дури, Andrey. Какая разница, кто ты по национальности... Тебе было плохо. Как я мог пройти мимо?

– Извините, – пробормотал Энди.

– Ерунда, – сказал лейтенант. – Я, наверное, за свою жизнь раз двадцать вот так сидел один-одинешенек и впадал в отчаяние, как ты сегодня...

Энди ждал продолжения, но его не последовало. Тогда он не удержался и спросил:

– И к вам подходили добрые люди?

– Ни-ког-да! – рассмеялся лейтенант не без гордости. Он поставил ногу на ступеньку и хитро подмигнул Энди.

– Выше ногу, курсант Вернер, – сказал он. – И выше нос. Путешествие началось. Poyehali!

– Poyehali! – откликнулся Энди.

* * *

За последующие годы Энди впадал в отчаяние не двадцать раз, как лейтенант Успенский, а всю тысячу. Он безумно тосковал по родителям и не мог понять, отчего судьба так жестоко обошлась с ним. Но он никогда больше не терял самообладания на людях. Военному астронавту такая роскошь не полагалась.

В навигаторы он не прошел из-за слишком высокой нервной возбудимости. На отделение систем управления огнем его тоже не взяли – реакция оказалась не та. Расстроенный Энди сидел на подоконнике и с тоской рассматривал свой билет в Европу, когда к нему подошел старший преподаватель отделения технической поддержки. Он за шиворот снял

абитуриента с подоконника и пять минут с ним поговорил. «А откуда ты здесь вообще?» – спросил он. «Меня привел лейтенант Успенский», – ответил Энди. «Да ну! – рассмеялся преподаватель. – Что ж ты сразу не сказал! Узнаю друга Алекса. Его наш ректор до сих пор без дрожи в голосе не вспоминает. Пойдем, астронавт. Считаю, я тебя зачислил без экзаменов. И если ты через год не будешь лучшим на курсе, я тебе за лень и раздолбайство голову оторву».

К четвертому курсу за Энди укрепилась репутация блестящего специалиста. Он быстро вошел во вкус: работа с механизмами и электроникой боевых кораблей оказалась не менее тонкой и увлекательной, чем нейрохирургия. Корабли тоже были в какой-то степени живыми существами, они нуждались в качественной диагностике, и тут Вернеру не было равных. На пятый курс он перейти не успел – за ним приехал знаменитый капитан Успенский, встречать которого выбежало во двор пол-училища. «Poyehali?» – спросил капитан. «Poyehali!» – ответил Энди. Ему вне очереди вручили нашивки энсина, и Успенский забрал Энди на дестроер «Хэн Соло». Два сезона патрулирования в Поясе энсину Вернеру засчитали как дипломную практику. Верная половина экипажа «Соло» была из таких мальчишек, уже носивших мичманские нашивки, но еще не получивших официального сертификата. Как Успенский протаскивал их на борт, Вернер до конца не разгадал. Но зато тинэйджерский экипаж, не обремененный излишней привязанностью к жизни ввиду отсут-

ствия детей и жен, буквально творил чудеса. Ордена и медали сыпались на дестроер как из рога изобилия. Гоня пиратов и контрабандистов, «Соло» производил маневры, невозможные для судов такого типа и подолгу ходил с ускорениями, под которыми в других экипажах никто не мог шевельнуть рукой.

Потом Энди тонул на «фон Рее». Потом затыкал собственным телом пробоину на скауте «динАльт». Потом вляпался в большие неприятности на десантнике «Декард», где дважды был контужен и чуть не сгорел. Взрывался на бэтлшипе «Эндрю Виггин». И эта последняя история оказалась концом его славной карьеры. Лейтенант Вернер приобрел дурную репутацию везунчика. Человека, который выпутывается из смертельно опасных ситуаций. И человека, которого эти ситуации, что называется, находят без долгих уговоров. Его никто не хотел брать в экипаж. Даже командер Рашен. У Рашена на «Тушканчике» был полный комплект, а у Вернера в результате многочисленных психических травм здорово испортился характер, и он Рашену несколько раз основательно нахамил.

Вернера забраковал лично Задница, тогда еще вице-адмирал. Он просмотрел его дело, покрутил костлявым носом и сказал: «Этого типа – списать под благовидным предлогом. Жаль мужика, но он беду притягивает. Бывают такие люди, увы». И Эндрю не прошел очередную медкомиссию, нашедшую у лейтенанта критический уровень нервной перегруз-

ки. В принципе, комиссия была недалеко от истины, и Эндрю это признавал. Он только обиделся, что ему даже капитана не дали на прощание. Так и загремел в космодромную службу: тридцатилетний лейтенант с Пурпурным Сердцем и редкостным послужным списком.

В какой-то степени это было к лучшему. После катастрофы на «Виггине» Эндрю невзлюбил космос, где царит второй принцип термодинамики, и как ни упирайся, всегда найдется кретин, готовый ни за что ни про что угробить боевой корабль с тобой на борту.

Но с другой стороны, Вернер, спустившись вниз, погрузился в тоскливое и беспросветное одиночество.

Эндрю чинил станции наведения, менял женщин, как перчатки, и галлонами пил самогон, который механики добывали из гидравлической жидкости. Так он просидел на Земле всю страшную вторую марсианскую кампанию: работал, пил, трахался, издевался над старшими по званию, совершал эксцентричные поступки и ходил к психоаналитику. Наконец руководство базы возненавидело Вернера до такой степени, что стало подыскивать более-менее легальный способ от него избавиться. И тут очень кстати подоспел «Горбовски», на который требовался специалист экстра-класса. А руки у Вернера не дрожали. Работать он мог.

«Горбовски» был экспериментальным прототипом, кораблем принципиально новой системы, на котором собирались обкатать старую, как мир, идею «нуль-Т». Предполага-

лось, что сгенерировав вокруг себя некое поле, эта штуковина сможет то ли проколоть, то ли искривить пространство, раствориться на границе Солнечной и выскочить незнамо где. Детали работ по «Горбовски» были засекречены, но о самой идее орали все сводки новостей, подавая затею как безусловно героическую и эпохальную. Особенно журналисты напирали на фантастическую смелость экипажа, смакуя блестящие эпизоды боевого прошлого испытателей-добровольцев.

Некоторых из этих людей Эндрю знал и обоснованно полагал сумасшедшими. А начальство полагало сумасшедшим его, лейтенанта Вернера. И стало подъезжать к Эндрю с настойчивыми советами пойти в испытатели. Вернер отвечал по-русски и делал неприличные жесты. Его вроде бы оставили в покое, но в один прекрасный день, когда Вернер, мучаясь с похмелью, брел на службу, его нагнали механики и стали громогласно поздравлять. Вернер кинулся к ближайшему терминалу Сети, вывел на монитор блок новостей и опешил. С экрана глядела его угрюмая физиономия, а чей-то голос взхлеб расписывал, какой великий специалист и настоящий герой подал заявление на должность старшего техника «Горбовски». А у ворот базы уже толпилась пресса.

Вернер нехорошо поглядел на механиков, и ему тут же сунули флягу с бормотухой. Эндрю основательно похмелился, здорово упал духом и потерял над собой контроль.

Журналистов от фатальных увечий спасло незыблемое

правило: никаких спецкостюмов за воротами базы. Впрочем, наземному персоналу спецкостюмы и не полагались. Но пару челюстей Эндрю все-таки свернул. Драться он не умел, и поэтому бил так, чтобы уж наверняка. Затем он разогнал спешивший к месту побоища наряд военной полиции, ворвался в кабинет начальника базы, закатил ему истерику, вышиб зуб, сломал ребро и оттаскал за волосы.

И угодил под трибунал.

Позже он рассказывал эту историю Рашену и Боровскому, смеясь. Выходило, что ему действительно здорово повезло. Его могли поставить к стенке, могли загнать на урановую каторгу. Но то ли Эндрю чего-то недоговаривал, то ли его счастливая звезда горела в те дни особенно ярко.

По словам Эндрю, первым и единственным, кто навестил его в камере, оказался капитан Риз, командир «Горбовски». «Пошли с нами, лейтенант, – сказал он. – Тебя эти сволочи все равно шлепнут. А так хоть какой-то шанс. Хрен ли нам, смертникам?». – «Не понял», – сказал Эндрю. «У меня половина экипажа из-под трибунала, – объяснил капитан. – А остальные – сумасшедшее. Думаешь, хоть один нормальный человек согласится по доброй воле быть первым испытателем нуль-Т-корабля? А с твоими-то руками мы эту хреновину так гениально ломаем, что испытания лет на сто затянутся».

Эндрю почесал в затылке. Командир «Горбовски» начал ему нравиться.

«Будем себе болтаться вокруг орбитальной верфи и заниматься саботажем, – продолжал капитан. – Все равно эта нуль-транспортировка – бред. Не верю я в нее. Такой мастер, как ты, считай, для нас спасение». – «А если я не смогу?» – усомнился Эндрю. Капитан пожал плечами. «По большому счету все равно. Нам так и так идти за Цербер. А за границей Солнечной кто нас заставит делать то, чего мы не хотим? Ты не сомневайся. Они думают, я настоящий псих и жду – не дождусь, как бы рвануть в это самое подпространство. А я всего-навсего обычный алкаш. Трус я и сука. Ходил на десантнике, бросал ребят на поверхность. А однажды нажрался до глюков и своего навигатора, хорошую бабу, взял и удавил. Показалось мне, что не туда рулит. Сел за управление, стал отворачивать и собственным выхлопом три десантных бота спалил. Ну, думаю, молодец, долетался. И тут как осенило меня. Выхожу на связь и начальству докладываю: не могу больше воевать с мирным населением, свободу Марсу и все такое прочее. Только что в знак протеста сжег три сотни десантников, туда им и дорога, кровавым убийцам. А самого хохот безумный разбирает... Меня – бац! – в психушку на экспертизу. И что ты думаешь – нашли поражение чего-то там в башке. Допился наверное. Поэтому и не убили. Но три года в палате – та же могила, разве что светло. Вот с таким командиром ты пойдешь, лейтенант. Командир-то я хороший. Тем более, не пью вообще ни капли – вылечили. Ну что, согласен?»»

Эндрю подписал бумаги, согласно которым исполнение смертного приговора откладывалось на неопределенный срок. Под усиленным конвоем его переправили в закрытый тренировочный центр. Он как раз внедрился в компьютер системы охраны и готовил побег, когда за ним приехал флагадьютант группы F капитан Мозер с секретным предписанием Адмиралтейства. Приговор скостили до пятнадцати лет условно, звание и награды вернули. Оказалось, что на флагмане группы F произошла безобразная драка, и старший техник капитан Скаччи, весь в слезах и соплях, на коленях стоял перед адмиралом, умоляя не отправлять его вниз. А Рашен обратился в строевую часть Адмиралтейства и спросил, где сейчас лейтенант Вернер. «Да он сидит», – ответили ему. «За что?» – удивился Рашен. «Нападение на старшего по званию. Кажется, съездил по морде командиру базы». – «Уверен, командир это заслужил, – небрежно сказал Рашен. – Найдите мне Вернера. А я пока с адмиралом флота переговорю и улажу формальности».

Теряясь от смешанного чувства стыда и восторга, Эндрю ступил на борт флагманского корабля, не зная, что сказать Рашену, и как его благодарить. Эндрю по-прежнему не любил космос. Но он понимал, что единственное его спасение – работа. И как минимум, был в долгу перед адмиралом. Которому он зачем-то остро понадобился.

Уже через сутки, проведенные на «Тушканчике», Эндрю буквально расцвел. Ему поставили безумную по сложности

задачу. Но зато адмирал не держал на него зла, а вокруг были отличные люди, элита группы F. И прелестная женщина-навигатор, которой Эндрю вроде бы тоже понравился. Жизнь наполнилась смыслом. А то, что Вернер оказался в сердце настоящего антиправительственного заговора, его пока не волновало. Он не верил, что противостояние может оказаться долгим и жестоким. Он думал, это все понарошку, и Рашен как обычно старается предусмотреть даже невозможное. Эндрю не был глуп. Но он был неисправимый романтик и открытая душа.

Как раз таким людям больше всего доверял Рашен. Такие не любили умирать и поэтому старались не совершать ошибок. Еще их не тянуло на подвиги. С героями Рашен боролся всеми доступными способами. Недаром его начальником штаба был известный буквоед, задница и саботажник контр-адмирал Задница, лучшим разведчиком считался отпетый перестраховщик Эбрахам Файн, а всей техникой распоряжался зануда Боровский. Отчасти этим объяснялись успехи группы F во второй марсианской кампании. Опираясь на таких, мягко говоря, странных людей, Рашен воевал ювелирно. Задница обеспечивал абсолютную тактическую грамотность операций, Файн ни разу не дал заключения на основе недостаточных данных, а Боровский гнал на верфи любой мало-мальски побитый корабль. В итоге Задница получил орден, у Файна проявилась в легкой форме паранойя, Боровский слег в больницу, Рашен имел кучу неприятностей в Ад-

миралтействе, но все задачи были выполнены, а все экипажи группы F – целехоньки.

И Эндрю Вернер, все боевые подвиги которого были делом чисто вынужденным, такое положение вещей от души приветствовал. Под крылом у Рашена он отогрелся и почувствовал себя человеком, которого в беде не бросят. Взамен он работал как проклятый. А ночами ему снилась блондинка с зелеными глазами и обворожительной улыбкой. Мастер-навигатор Кендалл. Милая Кенди.

* * *

Вернер после работы забежал в душ и теперь слегка опаздывал. Поэтому он спешил и, выскакивая из-за угла, чуть не сбил с ног весьма представительного господина, одетого в парадную форму военного астронавта: сплошь пуговицы, галуны и прочая бижутерия.

– Куда так разбежался? – хмуро спросил его флаг-адъютант капитан Мозер. – К бабе, что ли?

– Извини, – сказал Вернер и потянулся было поправить сбившийся на сторону аксельбант, но Мозер деликатно вырвался. – А чего это у тебя аксель не пришит? Оторвут ведь.

– Когда пришит – некрасиво, – авторитетно заявил Мозер, приводя себя в порядок.

– И пуговица вот на честном слове болтается...

– Тише ты! Да не дергай! Ну же, Энди! Отпусти!

– Да я так... попробовал. Ты вообще откуда взялся такой красивый?

– Снизу, – устало объяснил Мозер, приваливаясь к стене. Видно было, что он не особенно спешит и рад возможности почесать языком.

– Ну и как там, внизу?

– Ты что, новостей не видел?

– Мне по Сети бродить некогда, – заявил Вернер. – Я сейчас по центральному стволу летаю. Тебя бы туда со всеми твоими... причиндалами.

– Ладно, ты, слесарь хренов... Короче говоря, последний опрос показывает: скорее всего, на Собрании Акционеров для роспуска военного флота не хватит шести процентов голосов.

– Так отлично! – просиял Вернер. – Это же просто здорово!

– Здорово-здорово, а ничего не здорово, – неожиданно зло высказался стихами Мозер. – У соседа моего отымели борова!

Вернер опешил. О существовании такой лихой баварской поговорки он раньше не знал. Даром что был немец только по фамилии.

– Ты чего?... – с опаской спросил он.

– Да ничего. Видишь, стою, дурака валяю, а дальше идти – боюсь. Мне сейчас твоего папочку в парадку одевать. Бляху ему драить, башмаки чистить и все такое...

– Что-то случилось? – посочувствовал Вернер. – В Адмиралтейство, к Дяде Гуннару на пистон?

– А то... Слыхал, «Рипли» к Церберу послали?

– Даже видел. И правильно сделали, что послали.

– Я не знаю, правильно или как, только денежки на бустер твой обожаемый Рашен хапнул из резервного фонда. Никого не спросясь, без серьезного обоснования. Накорябал записочку для отчета... И какая-то сволочь из штаба капнула вниз. А знаешь что внизу бывает за разбазаривание средств? В лучшем случае припаяют самоуправство. И Рашена теперь – на вздрючку. Ладно, ему не впервой. Только если информация выйдет из стен Адмиралтейства и попадет в Сеть... Найдется ведь зараза, раззвонит на всю Солнечную. А Рашен, может, последний вояка, которого на Земле еще с дерьмом не смешали. И плакали твои шесть процентов голосов. Он же эти бабки, считай, украл! А главное, зачем?!

– Во-первых, не «твои шесть процентов», а наши, – поправил его Вернер. – Или ты уже не наш, а, крыса штабная?

– На себя посмотри, жертва радиации. Таракан реакторный!

– А во-вторых, ничего ему не будет, – продолжил Вернер твердо. – Ты же знаешь, зачем Файн пошел к Церберу. Наоборот, Рашена хвалить надо. Он, можно сказать, работает на опережение. Защищает мир от внешней угрозы.

– Это, что ли, от чужих? – спросил Мозер с нескрываемой издевкой.

– А от кого же еще?

– Знаешь, Энди, ты, конечно, мужик что надо, но дурак редкостный. Мой тебе совет: про чужих ни слова.

– Погоди... Ты в них, что, вообще не веришь?

– В чужих никто не верит там, – Мозер ткнул пальцем себе под ноги. – Согласись, в таком контексте уже не важно, что думаю я. Стоит Рашену только заикнуться о своих идеях, и он всему флоту кинет серьезную подлянку. Тебе сказать, как ведущие психиатры внизу трактуют активные действия по розыску чужих? Или сам в курсе?

– Болезненная тревожность, – мрачно кивнул Вернер, опуская глаза. – Хотя нет, активные действия это уже мания преследования. Вот дерьмо!

– Они, конечно, тормозят, – сказал Мозер, – но я их понимаю. У Совета Директоров сейчас одна задача: развалить флот и высвободить деньги. Вот они ее и выполняют. А если чужие прилетят и врежут, это будет совсем другой разговор. И другая политика. И другая экономика.

– Интересно, какую он придумал отмазку, – пробормотал Вернер, имея в виду Рашена, который в Адмиралтействе о чужих, разумеется, не заикнется. Понять это было обидно.

– Придумает что-нибудь. Он же русский. Хитрожопый.

– Как дам в лоб! – пообещал Вернер. – Не погляжу, что целый капитан.

– Ой-ой-ой! – рассмеялся Мозер. – Напугал. Главное, не расстраивайся. Ты ведь к бабе шел? Вот и думай о хорошем.

А то еще не встанет...

– Фу! – брезгливо сморщился Вернер. – Что за слова... Будто и не астронавт вовсе. Говоришь, словно всю жизнь внизу ползал. Стыдно.

– На себя посмотри, – всерьез обиделся Мозер. – Тоже мне, понимаешь, орденосный герой, весь в шрамах и без пиписки...

– А ты ведь боишься, – неожиданно спокойно заметил Вернер. – Ты наверняка присмотрел себе местечко в наземных службах. Дал на лапу кому следует... Распустят нас или нет, тебе в любом случае лет на десять жирный кусок гарантирован. Интересно, с какой рожей ты подпишешь распоряжение о сдаче «Тушканчика» на слом... Что, угадал?

– Да пош-шел ты! – почти крикнул Мозер. Обвинение было серьезным. В случае роспуска флота его наземные службы превращались в контору по инвентаризации всего, что от флота осталось, затем – эксплуатации того, что могло летать под коммерческим флагом, а потом и утилизации оно-го. Неписанный кодекс чести не позволял летному составу участвовать в таких мероприятиях. Считалось, что это предательство.

– А если Рашена вниз спишут, – продолжал зловеще Вернер, – то ведь и твои акции здорово упадут, правда? Это ты сейчас крутой, ходишь адъютантом при самом лихом адмирале...

– Знаешь, это ведь я тебе в лоб звездану, – прошипел Мо-

зер. – Тоже не посмотрю, что ты всего лейтенант. Не пожалю нищую сиротинушку, психически травмированную да условно освобожденную...

– Попробуй, – сказал Вернер. – Только учти, что я не хотел тебя обидеть. Я просто констатировал факты. И знаешь... Я тебе сочувствую. Неудобное у тебя положение, слов нет.

Мозер сник. Ударить Вернера он не рискнул бы. А выиграть в перепалке у него шансов не было, потому что Вернер угадал все правильно.

– Злой ты стал, – только и сказал Мозер. – И очень уж нос задрал. Ты сейчас тоже у Рашена в фаворе. Но были времена, когда ты вел себя по-другому. Попомни мое слово, он тебя снова выжмет, как тряпку, и выбросит. Чисто русская модель поведения, я эти штучки знаю. Сегодня ты ему нужен, а завтра... И вообще, Энди, не забывай, где я тебя видел, и как плачевно ты в тот момент выглядел.

– Я же не герой, – мирно сказал Вернер. – Я так... просто астронавт.

Повернулся и ушел.

Мозер дернулся было с намерением сказать вслед гадость, но передумал. На любое его обидное слово Эндрю уже сто раз мог предложить Мозеру, допустим, нырнуть в Юпитер. Или посидеть в тюрьме.

Но ведь не предложил.

– Дурак ты, – сказал Мозер уныло.

В тюрьме, куда Мозер за ним приехал, Эндрю выглядел

далеко не плачевно. Был в этом человеке какой-то несгибаемый стержень. В любой кризисной ситуации Вернер быстро соображал, компетентно действовал и не терял головы. На взгляд Мозера, он был отличный профи и настоящий герой. А то, что в обыденной жизни Вернер оказался рохлей и сейчас таскал позорные для своих лет лейтенантские нашивки, Мозера не удивляло. По его мнению это как раз была характерная примета героя. Флаг-адъютант Мозер по-черному завидовал своему однокашнику, которого другой герой – Успенский – прямо с четвертого курса забрал в космос.

Мозер тяжело вздохнул, сунул руки в карманы и отправился по своим абсолютно не героическим делам. В этом заключалась разница между успешным и состоятельным Мозером и ободранным неудачником Вернером. Эндрю на каждом шагу подстерегала возможность блестяще проявить себя. Да, это было опасно для жизни, но как же красиво выглядело! И планка Сердца на рабочей куртке Вернера всегда будет волновать девичьи сердца. А все нашивки и галуны Мозера говорили только о респектабельности и добропорядочности, но никак не об умении выживать и спасать других, которое так ценят женщины.

Конечно, Мозер тоже неоднократно имел возможность красиво выступить. Но на другом поприще – штабном, – которое здесь, наверху, считали делом особым, предназначенным для людей умных и дальновидных, только вот, увы, неспособных держать перегрузку и мгновенно принимать

решения. Единственным в группе F «штабным», по-настоящему уважаемым боевыми офицерами, был контр-адмирал Задница, который по молодости отмочил такой подвиг, что не смог больше водить корабли.

А флаг-адъютант Мозер с детства бредил космосом и очень хотел совершить в Пространстве настоящий подвиг. Можно даже с травмой, физической, а лучше еще и с психической, что уж совсем круто. Придти на выручку, спасти коллег, разнести врага в клочья, уползти домой на разбитом отражателе и, ступив на твердую землю, с облегчением сказать: «Я сделал все, что мог». Но вот как раз сделать все, что в его силах, прожить отрезок жизни на пределе и вернуться из смертельного боя живым Мозер оказался не способен. И до сих пор страдал по этому поводу. А по пьяни даже горько расстраивался. Хотя, строго говоря, не был ни в чем виноват.

Молодую смелость флаг-адъютанта хватил столбняк пятнадцать лет назад. Мозер, тогда еще лейтенант, ждал на базе скаут «динАльт», куда был приписан вторым навигатором. И увидел заходящий на стыковку круизер «Лок фон Рей», совершивший фантастическое погружение в Юпитер. Мозер знал нескольких ребят с «фон Рея», в том числе Эндрю Вернера, и поспешил к шлюзу, благо его офицерское звание позволяло ходить везде и совать нос в чужие дела.

А из шлюза выплывали бесчувственные тела в запечатанных спецкостюмах, смотанные между собой электрическим шнуром. Второе, третье... Когда Мозер досчитал до пятиде-

сяти, ему стало плохо. А когда вслед за телами вышли на своих ногах, с трудом цепляясь подошвами за магнитный пол, относительно здоровые астронавты, Мозер не рискнул подойти к ним.

Впереди шагал капитан Успенский, еще не подозревающий, что месяцем позже навсегда получит имя «Рашен». Впрочем, скажи это Успенскому тогда, он бы и ухом не повел. Капитан был вообще никакой, если не сказать жестче. А следом показался Вернер, и в глазах его сквозило плохо скрываемое безумие.

Мозер отступил на шаг, потом еще, а потом не выдержал и удрал. Он не бежал с флота, вовсе нет, только что-то он в том шлюзе навсегда потерял. То ли молодость, то ли готовность рисковать и жертвовать собой. То ли, как он безуспешно уверял себя позднее, глупость. Для очистки совести Мозер дважды сходил на «динАльте» к Марсу и один раз к Венере, но судьба берегла кораблик от неприятностей. Может потому, что командовал на нем Эбрахам Файн. Но Мозер почувствовал: вероятность катастрофы накапливается – и подал рапорт на переподготовку. Не успел он год проучиться на штабного аналитика, как «динАльт» схлопотал в Поясе сквозную пробоину. Мечущийся в дыму и огне экипаж спасла находчивость техника, который оказался возле самой дырки и хладнокровно заткнул ее кулаком. Узнав об этой истории, Мозер напился вдрызг и навсегда успокоился.

Он сделал нормальную карьеру в штабе Задницы, участ-

вовал в планировании ряда удачных операций, считался толковым разработчиком и приятным в общении человеком. Потом Эссекс рекомендовал его во флаг-адъютанты. Рашену нельзя было врать, и на вопрос, отчего Мозер пошел в штабные, он выложил адмиралу историю про шлюз. Адмирал ему посочувствовал и сказал: «Ладно, принимай дела». Сначала Мозер был от счастья на седьмом небе, работал не за страх, а за совесть, и сам того не замечая, приобрел блестящую репутацию. В Адмиралтействе на толкового и исполнительного Мозера нарадоваться не могли. Но потом картину стала портить его близость к строптивому русскому. Будучи передаточным звеном между командиром группы F и адмиралом флота, Мозер ходил по лезвию, рискуя подставиться и с той, и с другой стороны. А когда на твоего начальника стараются оказать давление через тебя самого...

В последние дни ситуация усугубилась. И сейчас, направляясь к адмиралу с дурными новостями, Мозер нарочно замедлял шаг. Он все прикидывал, когда умнее будет попросить Рашена о переводе вниз, и как эту просьбу изложить.

А драпать было самое время. Потому что история с отправкой «Рипли» на Цербер пахнет дурно, и Рашену того и гляди оторвут его чересчур умную русскую башку.

* * *

На двери каюты старшего навигатора Кендалл была крас-

ным фломастером нарисована конфетка. Рисунок явно делался в одно движение, на ходу, но яркая линия, небрежно брошенная на белый пластик, выдавала недюжинный талант.

Вернер задумчиво ткнул пальцем кнопку вызова, дверь тут же распахнулась.

– А у нас на «Тушканчике» маньяк, – сказал Эндрю, невольно провожая глазами уплывающую в стену конфетку. – Здравствуйте, капитан. Извините, я немного запоздал... – он перевел взгляд на стоящую в дверном проеме женщину и поборол желание схватиться за сердце, которое вдруг основательно защемило. Он не думал, что соскучился по Иве до такой степени. И не опомнился еще от бестолковой перепалки с Мозером. Всю дорогу до каюты Эндрю пытался в мыслях примерить себя на место флаг-адьютанта, а Мозера – на свое. Не вышло.

– Здравствуй, – сказала Ива и отступила назад. Судя по ее виду, она тоже пребывала в легком замешательстве. – Ну что стоишь, заходи. А маньяков у нас полкорабля.

– Да нет! – отмахнулся Эндрю. – Вот, посмотрите, что у вас на двери нарисовано.

– Мы, кажется, были на «ты», – напомнила Ива, выходя в коридор и закрывая дверь. – Ого! Слушай, это откуда?

– Понятия не имею, – Эндрю все-таки поднял руку и потер ноющую грудь. Никогда с ним раньше такого не было. Странное ощущение, как будто всем телом он что-то предчувствовал. Нечто грандиозное и даже пугающее.

Ива стояла в шаге от него, совсем близко, и Эндрю с умилением подумал, какая она трогательно маленькая, уютная и домашняя в легком спортивном костюме и босиком. Вдруг захотелось положить ей на плечо сильную уверенную мужскую руку и защитить Иву сразу от всего на свете. Но рука плохо слушалась.

– М-да-а, – протянула Ива, разглядывая конфетку. – Художник. Бывают ведь талантливые люди... Один росчерк, а сколько экспрессии. Вот бы его, негодяя, поймать! Чтобы в наказание приличную картину для кают-компания написал!

– Вы руку не узнаете?

– Слушай, Энди, ты меня достал, – сказала Ива, поворачиваясь к нему лицом. – Не «вы», а «ты».

– Я больше не буду, – скромно пообещал Эндрю. – Узнаешь руку?

Ива еще раз посмотрела на рисунок, покачала головой, открыла дверь и махнула Вернеру: заходи.

– У него пристрастие к красному цвету, – объяснил Эндрю, шагая через высокий порог с вакуумным уплотнителем. – Это ведь его художество в бассейне-то.

– Может быть, – кивнула Ива, приказывая двери хлопнуться. – Очень даже может быть...

– Простейшая графологическая экспертиза, – не унимался Эндрю. Он был по-прежнему смущен, хотя сердце уже отпустило. – Есть образцы почерка всего экипажа. Подписи на платежных ведомостях. Достаточно отсканировать эту

конфетку и поставить компьютеру задачу. Наверняка в Сети найдется подходящий софт. Нужно его только отыскать и скачать наверх. Правда, у нас вспомогательные компьютеры слабые, но это ерунда. Ходовому процессору работы на пять секунд.

– Ах ты, негодник! – рассмеялась Ива. – А еще мастер-техник называется!

– Подумаешь! – Эндрю гордо выпятил грудь. – Делов-то. Все равно этот процессор сейчас отдыхает. Никто и не заподозрит, что у него там на уме... И вообще, у меня один приятель из обычного унитаза самогонный аппарат соорудил. На скауте. Там все равно никто им не пользуется. Вот как ребята до Цербера долетят... – тут он осекся и сделал большие глаза.

– Я молчу! – усмехнулась Ива. – Расскажи еще что-нибудь.

– Да это все неинтересно. У техников своя жизнь, свои байки. У навигаторов тоже. Профессиональный фольклор. У нас только что в центральном стволе такой хохот стоял! Но окажись рядом Боровский, он бы решил, что мы с ума посходили. Хотя и отвечает за боевую часть. А ввв... Ты зачем меня позвала?

– Молодец, – похвалила Ива. – Привыкаешь. Слушай, тут дело такое... Надо же, чуть не забыла!

– Я тоже, – ляпнул Эндрю. Просто не мог с собой ничего поделаться. Взял и сказал.

– А ты о чем забыл? – удивилась Ива.

Вернер крепко зажмурился и выпалил:

– Я уже подумал, что у нас просто свидание!

А когда разжмурился, Ива была совсем рядом и глядела на него снизу вверх, доверчиво и внимательно.

– Кто ты, Эндрю? – спросила она в точности, как в прошлый раз.

– Или я тебя сейчас поцелую, или умру, – сказал он невпопад.

Вот так просто, без привычных заигрываний, что называется, грудью на амбразуру. «Как даст мне по морде сейчас... – пронеслось в голове. – А я перед ней на колени упаду. Все, пропал. Это любовь. Надо же!»

Но ласковые руки уже обнимали его за шею, а мягкие нежные губы прижались к его губам.

Эндрю осторожно, но крепко обнял Иву и провел кончиком носа по ее щеке. Поцеловал в шею, почти неощутимо, одним дыханием. И заглянул в чуть приоткрытые глаза. И снова поцеловал в губы, страстно, но без напора, без мужской жадности, которую знал за собой. С Ивой сейчас был совсем другой Энди Вернер, не тот, которого знали многие женщины, там, внизу. Он и сам-то не узнавал себя.

– погоди, – сказала Ива, мягко отстраняя его. Эндрю послушно отодвинулся, но объятий на разжал, только позволил ей чуть увеличить дистанцию. Глаза Ивы были прикрыты, и вырваться она не собиралась. Каким-то шестым чувством

Эндрю понял, что ей хорошо в его руках. Она просто хотела что-то сказать.

– Я же действительно забуду, – почти шепотом сказала Ива и, чтобы собраться с мыслями, уперлась Вернеру пальцем в грудь. – Слушай, у нас... тьфу, все путается. У нас ходовой тренаж внеплановый. Но в рубке не получится. Две команды, понимаешь? Соревнование. Мы сядем в библиотеке, и вводные будем давать вспомогательным компьютерам. А ты же сам говорил, они слабенькие...

– Что там у вас? – спросил Эндрю деловито, и Ива совсем очнулась. Широко раскрыла глаза (Вернер от восхищения тяжело вздохнул, эти глаза и так были невероятно красивы, а сейчас еще и светились), но в сторону не отошла, а наоборот, обхватила Эндрю руками за пояс.

– Рейд к орбите Юпитера, на скорость, – объяснила Ива. – Через Пояс, насквозь. Соображаешь?

– Угу. Обзорные мониторы... Правильно, что в библиотеке. Но?

– Вот именно – но. Слушай, Энди, брось туда линк от ходового процессора, а?

– Боровский в курсе? – мгновенно отреагировал Эндрю.

– А это обязательно? – хитро прищурилась Ива.

– Да как сказать... Когда тебе это нужно?

– Завтра к восемнадцати бортового. Ну, к восемнадцати тридцати...

– Понимаешь, милая, я ведь не успею протянуть линк по

вентиляционной системе, как это обычно делается. Кабель пойдет открыто, через коридор. И если Боровский об него споткнется... Ладно, ну его. Будет тебе линк.

– Как ты сказал?

– Что?

– Как ты меня назвал?

– Милая...

– Еще раз, – попросила Ива.

– Милая, – повторил Эндрю, внутренне замирая от восторга.

Ива подалась к нему, прижалась лицом к его груди и, опустив глаза, в который раз отметила, до чего у Эндрю красивые руки, и как ей это нравится. А еще она снова заметила шрам. Эндрю был в рабочей куртке с рукавами, закатанными до локтя – по моде Ванкуверского училища. Длинная белая рваная линия. Ива осторожно потрогала шрам кончиком пальца.

– Значит полз и зацепился? – спросила она.

– В каком-то смысле зацепился, – Эндрю прижал ее к себе крепче и от удовольствия закрыл глаза.

– Врешь постоянно! – беззлобно обвинила его Ива.

– Да не вру я! История на самом деле идиотская. Был такой скаут, «Язон динАльт». Первый скаут Абрама Файна. И я около года на нем ходил. Лет двадцать пять мне было, или около того. Однажды нас загнали в Пояс, базу контрабандистов искать. К полицейским на усиление. И Абрам против

обыкновения разлетелся. Вокруг каменюки, давно пора надевать скафандры, а он все соображает что-то. Нет, думаю, так не пойдет. А пульт техника на скауте в корме, у всех за спиной. И я потихоньку в скафандр влез. Тут Абрам говорит: ладно, мужики, одеваемся. В этот самый момент ка-ак долбанет! Потом оказалось, что эту зону пиратский дестроер патрулировал. У него тоже вахта спала, наверное. Пираты, они же все кто пьяный, кто еще что... Короче говоря, нас элементарно не заметили. Только в последний момент спохватились и шарахнули беднягу «динАльта» по заднице. Внешняя обшивка – насквозь, а внутреннюю так... порвало слегка.

– Пожар? – догадалась Ива.

– Не то слово. Черный дым, народ поливает друг друга из огнетушителей, крик страшный... Воздух-то выгорает. И сирена орет: разгерметизация. А где дырка, просто не видно, потому что все в дыму. Меня слегка контузило, я сижу, головой мотаю, а шлем-то закрылся, и вся телеметрия прямо на забрало идет. Смотрю: так вот же дырка, только руку протяни, чудо вообще, что не убило меня. Угадал я с этим скафандром... И главное, здоровая дырка, затягивает ее помаленьку, но слишком медленно. Смертельный вариант, до критической точки пара секунд. Подкачка вовсю старается, а давление падает. Ну, я отстегнулся, шагнул и, собственно, руку протянул. Сунул. Как-то машинально. Вот и вся история. Пока разворачивались, пока из Пояса выпрыгивали, я

так и стоял с рукой в дыре. И скафандр приварило к обшивке. Ну...

– И тебя пришлось вырезать, – закончила Ива.

– Ага! – простодушно согласился Эндрю.

– Какой же ты врун! – заявила Ива почти восхищенно.

– Есть немножко, – скромно потупился Эндрю.

– Просто невообразимый! – она медленно потянула вниз застежку его куртки и задохнулась от изумления.

Военные астронавты все были крепкие мускулистые ребята, и Эндрю в этом плане ничем не выделялся, разве выглядел чуть помассивнее. Но грудь его расплосовывали такие шрамы, каких Ива в жизни не видела.

– Не заживляется, – извиняющимся тоном пробормотал Эндрю. – Нужна хорошая пластика, а я не настолько богат.

– Бедный, – прошептала Ива, осторожно целуя его изуродованную грудь. Куртка упала на пол. – Бедный Энди...

«Она меня за муки полюбила, – вспомнил Эндрю идиотский стишок, – а я ее... за попу укусил. Что угодно, только не это». Его чуть не разобрал нервный смех, так он был взволнован. Но все-таки понял, что жалости в голосе Ивы ни на грош. А есть нечто на грани любования и восхищения.

– А у меня знаешь какая дырка под грудью? – спросила Ива в перерыве между поцелуями.

– Сейчас поглядим, – сказал Эндрю, осторожно раздевая ее. – У-у... Это ваше Сердце, капитан?

– Да. А это, – Ива обозначила вопрос прикосновением

губ, – ваше, лейтенант?

– Да.

– Ты мне когда-нибудь расскажешь?

– Клянусь, – выдохнул Эндрю так искренне, что едва не заплакал. Его всего колотило от нежности и восторга.

– Я так ждала тебя... – прошептала Ива, откидываясь назад, чтобы ему было удобнее целовать ее напрягшиеся от возбуждения соски.

– Я так мечтал о тебе...

– Ты когда-нибудь делал это наверху? На корабле?

– Нет. Значит, мы друг у друга первые?

– Да... Замечательно, правда?

– Это прекрасно...

– Иди ко мне...

– Милая...

Эндрю не думал, что это окажется так. Он вообще ничего особенного не ждал от сегодняшней встречи. Немолодой уже и много переживший мужчина, он был впервые по-настоящему влюблен. До умопомрачения. И готов ради Ивы на все, даже на рыцарское обожание издали. Настроился на серьезный, неторопливо развивающийся роман. Вовсе не хотел форсировать события.

Боялся наверное.

Но Ива уже не в силах была ждать. Энди Вернер, обаятельный мужик со страшной тайной за плечами, роскошным «хвостом» за спиной и неумелыми попытками скрывать при

разговоре внушительный словарный запас... Он был нужен ей. Ива раньше просто не встречала таких людей, по-настоящему взрослых и по-настоящему сильных глубокой внутренней силой, которая сквозит в каждом движении и неумолимо притягивает. Ива еще не нашла своего мужчину. А нужен ей был именно такой.

Недаром она все хотела прикоснуться к адмиралу и сказать ему что-нибудь хорошее. Но всерьез полюбить Рашена не получалось, настолько он был далек от Ивы годами и ответственностью. А вот Энди...

Ива словно всю жизнь его ждала. Он еще нес чепуху про местного художника, рисующего красным, а она уже представляла себе, как потрясающе будет то, что ждет их обоих чуть впереди... В тесной каюте стало вдруг нестерпимо жарко, а потом этот жар собрался у Ивы в груди и внизу живота, и она умерла бы от удовольствия, если бы не мечтала о большем. На двоих.

В вихре эмоций, рвущихся из влюбленной женщины, Эндрю совершенно потерял себя. Он хотел сначала доказать Иве свою нежность, довести ее до экстаза одними прикосновениями. А уж потом...

Но Ива раскрылась ему навстречу и направила в себя. И очень скоро потолок каюты отразил ее восторженный крик.

Филипп Эссекс получил награду, в просторечии именуемую «Звезда Урою», в самом начале первой марсианской кампании. Он ходил на дестроере в составе Второго крыла прикрытия группы F и считался лихим командиром. В несчастливый день, окончившийся подвигом, капитану Эссексу приказали идти в одиночный патруль. Его «Роканнон» должен был уютить пустынный район марсианской поверхности, местное захолустье, где отродясь не было никакого шевеления – только заброшенные шахты. Их просканировали на оружейный металл и электромагнитные поля, отметили, что шахты пусты и решили чисто для мебели повесить над районом патрульное судно. Дабы враг худого и не помышлял.

Эссекс крепко выругался и пошел к месту назначения. По прибытии на точку отметился, приказал экипажу начать плановые работы согласно регламента – не терять же время попусту, – а сам положил локти на командирский пульт и затосковал. Второе крыло прикрытия должно было сейчас идти в самое пекло, отгонять полчища юрких марсианских файте-ров, обеспечивая выброску десанта на Ред-Сити. А он, Эссекс, прохлаждался здесь, над другим полушарием, фактически незаселенным из-за скудости ресурсов. Под «Роканноном» простиралась тоскливая пустынная равнина, и торча-

ла одинокая скала, под которой в незапамятные времена чего-то добывали, забурились на серьезную глубину, да и бросили это дело.

Позже Эссекс устроил такой скандал, что троих разведчиков списали вниз. За то, что не догадались забуриться сканером туда, куда в свое время закопались марсиане. Всего-то и надо было разведчикам чуть-чуть снизиться и обнаружить, что шахты куда глубже, чем указано на старых картах. Но разведчики не стали утруждаться, а Эссекс в итоге совершил героический поступок, угробил хороший корабль, потерял здоровье и почти весь экипаж.

Потому что под скалой неожиданно взметнулись облака пыли, шахты вдруг стали пусковыми стволами, и из них рванули вверх продолговатые черные тела. Потом выяснилось, что стартовало марсианских дестроеров, ни больше, ни меньше, девять штук. Три звена. Но в тот момент, слава звездам, Эссексу показалось, что их меньше. Он заорал так, что почти оглох, и врезал обеими руками по контактам. «Роканнон» взревел, кувыркнулся и рухнул на перехват.

От скалы до побоища над Ред-Сити было десять мегаметров, и марсиане думали в решающий момент ударить по земному десанту с фланга. Одинокий патрульный дестроер над шахтами их не волновал, его они легко сбивали на взлете. Марсианские планировщики знали тактику землян и просчитали заранее любые возможные движения паникующего командира. Едва оторвавшись от поверхности, дестроеры

принялись стрелять, перекрывая «Роканнону» пути к бегству. Какой бы маневр уклонения Эссекс ни избрал, везде его ждала пробоина в борту.

Однако Эссекс не паниковал. Атака оказалась до того неожиданной, что землянин не успел ни испугаться, ни адекватно оценить силы врага. Он просто селезенкой почуял, что ситуация нештатная, и если как-то не разрядить обстановку, то Второму крылу ничего не сделается, а вот неуклюжие десантные корабли сильно побьют. А до этого пришибут «Роканнон» и его, любимого, капитана Эссекса. Поэтому землянин подчинился инстинктам. Он не стал выходить на предписанные уставом маневры уклонения. А просто спикировал отвесно вниз, проскочил сквозь вражеский строй и чудом затормозил у самой поверхности. И пока марсиане расстреливали небо, полагая, что сейчас где-то над ними вспыхнет пламя, Эссекс, подняв колоссальный столб бурой пыли, разворачивал дестроер, ползущий от натуги по швам, и истерически хохотал. Потому что альтиметр давал у поверхности слишком большую погрешность и сейчас показывал, что «Роканнон» на сто метров углубился в Марс.

Космический бой – дело заковыристое и на взгляд непосвященного совершенно не поддающееся мало-мальски серьезному планированию. Боевые корабли нашпигованы помехопостановщиками и все время сбрасывают ложные цели. Аспидно-черная обшивка кораблей эффективно поглощает радарный луч. Засечь истинное местонахождение противни-

ка – форменная головоломка. В основном точное попадание достигается анализом траектории целей-обманок. И хорошей работой оптики. Все-таки, какой бы безукоризненной черноты ни был вражеский корабль, где-то да саданул его микрометеорит. А еще, как он ни крутись, звезду какую-нибудь возьмет, да заслонит.

И у корабля есть слабое место – корма с хрупкими отражателями. На коммерческих судах отражатель, как правило, один: им опасаться нечего. На дестроерах по четыре, между ними примостились кормовые батареи. И марсианам стрелнуть бы с кормы в пыльную тучу внизу, но то ли они посчитали, что сами так надымили, то ли просто не успели сообразить. Дестроеры били вверх, отдавая на это часть энергии и потеряв таким образом жизненно важное для них ускорение при разгоне. А «Роканнон» уже высунул из тучи нос, получил идеальную картинку и принялся молотить всеми своими четырьмя основными лазерами.

Три замыкающих судна он просто, что называется, сбил. Как в тире. Пара кораблей потеряла ход и начала сыпаться на поверхность, Эссексу прямо на голову. Третий успел слегка отвернуть и погреб боком, врубив на всю катушку маневровые двигатели в отчаянной попытке оттолкнуться их слабеньким упором от притяжения Красной планеты. Еще одному дестроеру, поднявшемуся чуть выше, Эссекс так расколотил корму, что тот застрял на опасно низкой орбите, откуда ему была все равно одна дорога: сбрасывать аварийные

модули. Но остальные пятеро марсиан, сообразив, что дали промашку, бросились врассыпную и начали перестраиваться в боевой порядок. Все они были намертво захвачены следящими прицелами «Роканнона», и никакие ложные цели обмануть Эссекса уже не могли.

Но и сам Эссекс был у марсиан как на ладони. Черное пятно на фоне бурой поверхности. Минута до торжественного погребения. Сначала ровно полминуты на боевой разворот марсиан. Потом еще столько же, чтобы накопить энергию для импульса. И гроб.

«Роканнон» с надрывом шел вверх. Слишком медленно. Реактор захлебывался: он все силы отдал на стрельбу и теперь не мог обеспечить быстрый разгон. Марсиане перестраивались. Тоже не спеша. Они были по-своему честные ребята, летать учились на Земле, и теперь давали Эссексу время подумать – развалиться вместе с кораблем или сбросить экипаж на аварийных модулях. А уж спасатели из замаскированной базы толпой набегут. Ни разу еще мятежный Ред-Сити не брал в плен астронавтов группы F. Может даже не убьют.

– Есть подтверждение, – неестественно спокойным голосом доложил старпом. Эссекс кивнул. Второе крыло получило сигнал тревоги и приняло его к сведению. Возможно, на помощь Эссексу уже идет Успенский на красавце «фон Рее». Хотя умнее было бы записать «Роканнон» в расход и не гонять корабли туда-сюда попусту. Устав позволяет.

– Когда полная тяга? – убирая руки с контактов, спросил Эссекс. Просто так, чтобы поговорить.

– Не успеем, – ответил старпом. Он все ждал, когда Эссекс прикажет садануть одному из марсиан напоследок в борт, и всем прыгать в аварийные модули. Но Эссекс решил иначе. И выдал такое, от чего «Роканнон» на пару секунд утратил боеспособность, потому что все буквально обалдели. Сам Эссекс потом уверял, что на него озарение нашло. Припадок интуиции.

– Внимание! – сказал Эссекс. – Всем стоять! Через тридцать секунд я сброшу модули. Пустые! Ясно?! И уйду на баллистическую. Если кто хочет в плен – милости прошу. Думайте.

Воцарилась напряженная тишина. Экипаж соображал. Кто-то схватился за голову. Но с места никто не сдвинулся.

– Убрать тягу! Энергию в накопители! – с облегчением приказал Эссекс. – Когда приблизятся, бьем кормовыми.

– Отлично! – радостно провозгласил бомбардир. И работа закипела в прежнем темпе. К аварийным модулям не убежал ни один человек.

«Роканнон» использовал свой единственный шанс – притвориться брошенным и подманить врага вплотную. Марсиане уже почти развернулись. Эссекс сорвал чеку и утопил в гнезде кнопку сброса. Дестроер тяжело мотнуло из стороны в сторону. Корпус его в нескольких местах раскололся, и небольшие секции, озарившись пламенем тормозных двига-

телей, заскользили вниз.

Эссекс завалил корабль на баллистическую траекторию. «Роканнон», внешне неуправляемый, медленно удалялся от Марса по касательной.

Последующие минуты стали для экипажа таким испытанием, после которого шевелиться может только сумасшедший. Или военный астронавт, что примерно одно и то же. Марсианские дестроеры, словно принохиваясь, повели носами, провожая модули выхлопными отверстиями лазеров главного калибра.

– Вот суки! – возмутился старпом. – Они ведь нас того... этого...

И тут марсиане начали стрелять.

По «Роканнону» пронесся крик. Это было невообразимо, чудовищно, это воскрешало в памяти рассказы об ужасах Заварухи и Полуночи. Такого на памяти землян не случалось никогда.

Аварийные модули вспыхнули и превратились в облака пара.

– А ведь убили нас, – констатировал старпом. – Ну, гады...

– Одно слово – красножопые, – сообщил бомбардир.

– Ты не ругайся, а думай, что делать, если они не станут нас брать на бордаж, – посоветовал Эссекс. – Они наверняка собираются идти к Ред-Сити. Им тут задерживаться нельзя.

– Полный ход вдогонку и бьем носовыми, – сказал бом-

бардир. – Еще парочку расковыряем. Делов-то.

– А остальные трое нас расковыряют, – добавил сзади кто-то из навигаторов.

– Всего лишь трое, – заметил старпом. – А было-то девять.

– Действительно! – удивился Эссекс. – Слушай, и правда девять! Я как-то даже не посчитал...

Марсиане снова перестроились и взяли курс на Ред-Сити. В боевой рубке дестроера раздался дружный вздох облегчения.

– Я не понял, – сказал Эссекс. – К нам идет катафалк, или нет?

– А как же! Сказали «высылаем подмогу».

– Как ты думаешь, – спросил Эссекс старпома. – Пять – это много?

Старпом задумался. Сейчас каждый в экипаже имел право голоса. Сбросив пустые модули, Эссекс лишил этих людей единственного реального шанса выйти из боя живыми. Был, правда, еще один шанс, но призрачный: на орбите покинуть разбитый дестроер в спецкостюмах. Тут уж все зависело от того, удастся ли заглушить и катапультировать реактор, сильно ли будет взрываться корабль, и быстро ли подоспеет «катафалк», как обычно называли судно, на чью долю выпала спасательная миссия. Целых три «если». Если реактор не долбанет, заражая пространство радиоактивной тучей; если корабль не разнесет в щепы, на которые экипаж сядет, как на вертелы; если капитан спасателя будет достаточно опытен

в поисковых работах...

А то, что марсиане расстреляли модули, то есть Эссекс уже один раз всех здорово выручил, было сейчас не в счет.

– Пять – это до хранища, – решил старпом. – Сейчас над Ред-Сити у наших преимущество минимальное. Да еще катафалк за нами отрядили. И тут являются эти... Конечно Ред-Сити мы возьмем, но потерь будет неоправданно много.

Эссекс посмотрел в сторону удаляющихся марсиан.

– Все так думают? – спросил он. – Да? Тогда я даю тягу. Приготовились, господа астронавты. Сейчас кому-то порвут его красную жопу...

Двадцатью минутами позже Эссекс через пробоину в обшивке прыгнул в космос, сложился пополам, зажал между колен маневровый пистолет и надавил гашетку. «Роканнон» выглядел настоящим решетом, и Эссекс, удаляясь от своего корабля, чуть не плакал от обиды. На его глазах прямо в боевую рубку ударил импульс главного калибра, и взрывом разнесло в клочья двоих, отчего-то застрявших поблизости. Эссекс кричал и ругался, не помня себя. А потом он провалился в странное забытье, началась постстрессовая апатия, и на борт «фон Рея» капитана втащили в бесчувственном состоянии. Он все-таки уничтожил еще один дестроер и основательно повредил второй. Еще одного марсианина походя зашиб Успенский, а оставшиеся двое отвернули от Ред-Сити к Поясу и затерялись в нем.

Это была чистая победа и настоящий подвиг. Фотография

капитана Эссекса красовалась во всех сводках новостей и была навечно зафиксирована в анналах Сети. Земля гордилась своим воином и осыпала его почестями. Но сам Эссекс что-то очень важное оставил на марсианской орбите среди обломков «Роканнона».

Психологическое кондиционирование он прошел за два месяца, и был признан годным к летной службе. «Роканнон-2» уже готовился к ходовым испытаниям. А Эссекс изменился до неузнаваемости. Он стал медлителен и задумчив. В его душе поселилась тоска. Эссекс не хотел быть героем и совершать подвиги. Еще в училище ему объяснили, что героическим личностям в космосе не место. Слишком дорого стоят боевые корабли для того, чтобы проявлять на них чудеса храбрости. Группа F даже в лучшие времена насчитывала не более пятидесяти судов, включая мелюзгу, и ходили на них люди благоразумные, военные в лучшем смысле этого слова. То есть, способные рисковать, но всегда четко знающие допустимую границу риска. И старающиеся не переступить ее.

Земля воевала с бывшими колониями методично и аккуратно. Искала бреши в чужой стратегии и била туда. Но как говорил капитан Успенский (и был за это многократно наказан), «против второго принципа термодинамики не попрешь». Сто раз Эссекс видел, как другие офицеры расплачиваются за чужие ошибки. И надеялся, что ничего подобного с ним не случится. Но вот – случилось. Эссекс выбрал-

ся из безнадежной ситуации. И понял вдруг, что еще раз у него такой фокус не получится.

А главное – он потерял веру в благоразумие своих коллег. Оглядываясь назад, он там и сям видел пробелы в стратегическом планировании, стыдные тактические ошибки и хронический недосмотр по мелочам. Раньше он этого почему-то не замечал. А теперь любая нечеткость резала ему глаз. Эссекс всех и вся подозревал в разгильдяйстве и недомыслии, и подозрительность его стала приобретать маниакальный характер.

Нечеловеческим усилием воли он снял «Роканнон-2» с земной орбиты и повел его к Марсу. Но в строй Второго крыла прикрытия дестроер поставил старпом. А Эссекс заперся в каюте, вызвал Успенского и рассказал ему о своей проблеме, запинаясь и пряча глаза.

– А ты не нервничай, Фил, – посоветовал Успенский. – Во-первых, война кончается. А во-вторых... До тебя просто еще слухи не дошли. Нашему крылу нужен молодой и толковый начальник штаба. Кандидатур на сегодня две. Я отбрыкиваю, как могу. А ты согласишься. И все. Как раз для тебя должность. Засядешь на бэттлшипе, и никаких проблем. Главное – психологам ни слова. А то мигом вниз загремишь.

– Не знаю... – пробормотал Эссекс в замешательстве. – Понимаешь, Алекс, я страшно боюсь ошибок. Любых. И своих в том числе.

– Главное, психологам об этом не говори, – повторил

Успенский.

– Слушай, Алекс, неужели я заболел? – в ужасе выдавил из себя Эссекс.

Успенский рассмеялся.

– По-моему, Фил, ты просто вырос, – сказал он. – Ничего, привыкнешь. А за совет с тебя причитается.

Через неделю Эссекс перешел на штабную работу, и с этого момента ни разу не управлял кораблем лично. И действительно успокоился. Потом его выдвинули в командиры Второго крыла. Потом – в начальники штаба группы F. В этой должности он прошел еще одну войну, точнее полторы, если считать рейд устрашения на Венеру. Он стал опытным штабным офицером и редкостной сволочью. Но группа F его терпела. В конце концов, адмирал Рашен мог быть при желании таким зверем, что Эссекс на его фоне просто терялся. И все признавали: оба этих незаурядных человека заслужили право вести себя так, как им хочется. Зато с ними не пропадешь...

...Сейчас две незаурядных личности неспешно шагали по бетонному плацу к зданию Адмиралтейства. Рашен сделал легкое движение рукой, и охрана почтительно отошла подальше. Эссекс поежился: он без охраны чувствовал себя неудобно. Рашен, наоборот, телохранителей на дух не переносил. Он всегда говорил, что телохранители отчего-то слишком долго живут, а вот охраняемые ими тела – наоборот.

– А вас, что, команда не касается? – бросил Рашен через

плечо адъютантам.

Мейер и Мозер очень похоже сморщились и немного приотстали.

– Ну? – спросил Эссекс. – Есть идеи?

– Ты бухгалтерию подчистил?

– Успел.

– Значит, ты ничего не знаешь. Все на меня вали. Я на «Рипли» ездил? Ездил. С Абрамом имел конфиденциальную беседу? Да. А больше тебе ничего не известно.

– Как скажешь, Алекс.

– И запомни. Есть только один тип вооружения, которым можно подбить наши суда с Земли. Это решения Собрания Акционеров. Пока Собрания не было, мы потенциально сильнее всех.

– Ага, – уныло кивнул Эссекс.

– Я этих идиотов буду защищать, даже если они мне это запретят в приказе, – неожиданно зло прошипел Рашен. – Если Абрам найдет следы чужих...

– Угу, – поддакнул Эссекс.

– Может ведь такое быть, правда, Фил?

– А то, – снова кивнул Эссекс и покосился на своих охранников.

– Да что ты все озираешься?

– Отвык, – смутился контр-адмирал. – Как-то здесь очень неуютно. Ветер... И все такое.

– Потолка нет? – спросил Рашен язвительно. – Жопу спря-

тать некуда?! Кр-р-рыса штабная...

– Ты чего? – обиделся Эссекс. – Совсем уже... Того.

– И как я с тобой воевать буду? – пробормотал Рашен, глядя в хмурое небо. – Одно слово – Задница. Эссекс, смени фамилию.

Эссекс протянул руку и крепко взял адмирала за локоть.

– Не психуй, Алекс, – попросил он. – Отобьемся как-нибудь.

* * *

На большой дисплей, занимавший целую стену в кабинете адмирала флота, была выведена карта Марса. Ничего подобного Рашен увидеть не ожидал и удивленно на карту вытаращился. Эссекс, оказавшись в закрытом помещении, сразу повеселел, расправил плечи и ел взглядом начальство.

– Здравствуйте, молодые люди, – сказал адмирал флота Кёниг, отмахиваясь от положенного по уставу салюта. – Прошу садиться. Как самочувствие? Настроение? Что группа F?

– Самочувствие в норме, вверенная мне группа без происшествий, ожидаю приказаний, – доложил Рашен, усаживаясь в кресло.

– Настроение боевое, – соврал Эссекс, садясь так, чтобы Рашен хотя бы отчасти прикрыл его от Кёнига.

– Работать готовы? – спросил Кёниг.

Рашен и Эссекс переглянулись.

– Так точно, сэр, – сказал Рашен, но интонация его была скорее вопросительная.

– Сейчас объясню, – улыбнулся Кёниг. На флоте его за глаза обзывали «Дядя Гуннар». С такой вот дружелюбной улыбкой Кёниг приказывал бомбить заведомо гражданские объекты или намекал, что десанту следует быть пожестче при захвате марсианских городов. А на Венере Кёниг устроил форменное побоище. Рашен шефа не винил. Дядя Гуннар подчинялся Директорам, а земное правительство очень хотело запугать сепаратистов так, чтобы и внукам заказали ссориться с метрополией. Увы, результаты были получены с точностью до наоборот. Население Земли по-прежнему не дотягивало до ста миллионов, и бескрайние просторы, ждущие умелых рук, лежали в запустении. А свежая кровь, застоявшаяся на планетах-колониях, не спешила вливаться в жилы земной цивилизации, страдающей бесплодием и генетическими сбоями. Сепаратисты предпочитали с чудовищными трудностями обживать свои жестокие миры, а Землю обзывали колыбелью вселенского зла. Их тоже можно было понять. Со времен страшной Полночи, убившей девяносто восемь землян из ста, едва минул век, и тем не менее, за это столетие Земля умудрилась развязать две межпланетных войны.

– Итак, господа, – сказал Кёниг. – Есть для вас халтура. Причем ее хорошо оплатят. Сделка бартерная, но очень выгодная для Земли.

– Опять Марс, – тоскливо кивнул Рашен.

– Опять, – согласился Кёниг. – Но он сам просит о содействии. Официальный заказ правительства Республики. В порядке, так сказать, оказания помощи согласно договору о сотрудничестве, дружбе и ненападении. Смотрите, господа.

Карта за спиной Кёнига сменила масштаб, и наметанный глаз Рашена тут же опознал участок марсианской поверхности недалеко от южного полюса.

– Так, – сказал Эссекс, подавшись вперед. – Знаю это место.

– И как оно вам? – поинтересовался Кёниг.

– Пустыня, – коротко ответил контр-адмирал.

– Если бы! – усмехнулся Кёниг. – Дали мы промашку. Стоило нам это местечко основательно прочесать. А мы ограничились поверхностным осмотром... Это, кстати, в ваш огород камешек, господин начальник штаба группы.

– Мы искали военные объекты, – вступился за своего подчиненного Рашен. – Мы все-таки не геологи, а группа F.

– Геологи? – хитро прищурился Кёниг. – Вы схватываете на лету, господин Успенский. – Жаль, что вы не геолог. А то бы у нас давно стояла в этой точке хорошо укрепленная база.

– Уран, – сказал Рашен утвердительно. – И близко к поверхности.

– Не быть вам, дорогой Алекс, адмиралом флота, – заметил Кёниг.

– Что, слишком умный?

– Опасно умный. Опасно, друг мой.

– А кто тогда?... – невоспитанно ляпнул Рашен. Все знали, что Дяде Гуннару осталось несколько месяцев до пенсии.

– Да никто, – мрачно сказал Кёниг. – Я полагаю, это будет ваш последний боевой поход.

Услышав слово «последний», Рашен поежился. Эссекс тоже. Как все практикующие астронавты, они были немного суеверны и предпочитали выражение «еще разок». А то, не ровен час, сглазишь, и поход окажется действительно последним в твоей жизни.

– Так что можете не жалеть технику, – продолжал Кёниг. – Выработывайте ее до упора. До конца. Хоть об поверхность колотите.

– У нас техника и без того на нуле, – вставил Эссекс. – На таких гробах ходим, просто ужас.

– А почему вдруг мы? – спросил Рашен. – Почему не полиция?

– У полицейских свои задачи. Они сейчас Пояс наизнанку выворачивают. А ваше дело – уничтожить противника. Вот и будете уничтожать. Знаете, молодые люди, вы меня не вводите от темы. За ужином поболтаем.

– Виноват, сэр.

– Постыдились бы, Успенский, такое вслух говорить, – неожиданно вспомнил старое Кёниг. – У вас на лице написано, что виноваты. Грубость и нетактичное поведение – это ваш образ жизни. А еще целый адмирал. Даром что русский.

– Какой есть, – гордо сказал Рашен.

– За это и ценю. Значит, так, – Кёниг провел рукой по контактам, и карта увеличилась еще. – Вот, смотрите. Здесь марсиане наметили разработку еще полвека назад. Тогда у них не было для этого мощностей. Сейчас есть. Они двинули на эту точку людей и технику, все исчезло. Посмотрели со спутника – никаких следов. Отправили спасательную группу – опять с концами. Мимо шел наш полицейский скаут, попросили глянуть, что такое. Прежде, чем его сбили, полицейский засек несколько пусков. В общем, на месторождении кто-то вовсю копает и вывозит уран. Когда мимо проходит спутник, жизнь на точке замирает. Вот так. Ковыряются они там не меньше года и успели хорошо закрепиться. Марсианам такая база не по зубам. А вам – в самый раз.

Рашен через плечо бросил взгляд на Эссекса. Тот неопределенно шевельнул бровью. Рашен брезгливо покосился на карту и уже собирался открыть рот, когда его перебили.

– Только не надо! – попросил Кёниг. – Вот только этого не надо! Вы за кого меня принимаете? Десантник с вами будет, разумеется! Но вы подойдете на точку первыми. Уничтожите все наземные вооружения и собьете все, что попытается взлететь. А потом уже подвалит десантник и произведет высадку под вашим прикрытием. И все, больше от вас ничего не требуется. Останетесь чистенькими. Рыцари, вашу мать!

– Понял, сэр, – кротко сказал Рашен. – Какие еще будут указания?

– Все детали я отошлю вам наверх через несколько часов. Вместе с приказом. Отходите через сутки. Хватит вам суток? С марсианами в контакты не вступать. Делаете свою работу, и все. Ясно?

– Сколько готовить кораблей? – спросил Рашен. – Одного ударного крыла хватит?

– Все готовьте, – отрезал Кёниг. – Всю группу. Десантник с вами пойдет «Декард-2». В общем, ознакомьтесь с приказом – разберетесь.

– Зачем всю группу? – удивился Рашен. – Сорок восемь единиц! Это же бешеные деньги!

– Денег нам дают немерено, – хмуро сказал Кёниг. – А вот данных о том, что творится над южным полюсом Марса ни хрена нету.

Рашен снова оглянулся на Эссекса. Тот опять двинул бровью.

– Несчастливое имя – «Декард», – сообщил он.

– Это вы к чему? – не понял адмирал флота.

– К тому, сэр, что с нами второй «Декард» пойдет. Имя несчастливое.

– Час от часу не легче! – взорвался Кёниг. – Имя ему не подходит, видите ли! Десантник ему другой подавай! Всей группой не хотят идти! Знаете, куда бы я вас послал, будь моя воля?!

– И все-таки, сэр, почему нужна вся группа? – спросил Рашен.

– В Поясе урана мало, – сказал Кёниг. – А вот пиратских круизеров не меньше десятка. И минимум один бэттлшип. И не забудьте, что любой буксир контрабандистов это переоборудованный дестроер.

– И все они тут же бросятся отбивать свои шахты, – саркастически заметил Рашен.

– Запросто, – сказал Кёниг.

– Вы что-нибудь понимаете, контр-адмирал? – спросил Рашен через плечо.

Эссекс покрутил носом и выпятил челюсть.

– Я тоже не понимаю, – кивнул Рашен. – Господин адмирал флота, разрешите?...

– Ну?

– Почему я не могу для начала провести разведку? Сходит туда-сюда пара скаутов... Моих-то не собьют. Определим необходимый состав ударных сил, и тогда уж аккуратненько...

– Сколько вам на это времени понадобится, Успенский? – спросил устало Кёниг.

– Вплоть до высадки десанта – месяц.

– Вы на какой планете живете, Успенский?! – почти застонал Кёниг. – Не будет у Земли через месяц никаких десантников. Хилые полицейские силы останутся. И все. Нет у нас времени, господа. Пока есть нормальный флот, пока есть группа F, мы должны все хвосты подчистить. И со спокойной душой – в отставку.

– Почему так скоро? – опешил Рашен. – Почему через месяц?

– Подарок Директоров к Собранию Акционеров, – процедил Кёниг. – А также акт доброй воли и признания своей вины перед суверенными народами Марса и Венеры. В Солнечной больше никто и ни с кем не будет воевать. Все, господа. Поздравляю. Демилитаризация, бя!

За спиной Рашена шумно вздохнул Эссекс.

– Свободны, – приказал Кёниг и отвернулся.

Рашен сунул палец за воротник и покрутил шейей.

– Свободны, – повторил адмирал флота очень тихо. – Валийте отсюда. Не будет вам никакого ужина. И видеть больше вас не желаю.

Командование группы F тяжело поднялось на ноги и вышло из кабинета, не прощаясь. А Кёниг сторбился в кресле и закрыл лицо руками.

На улице Эссекс толкнул Рашена локтем.

– Понял хоть что-нибудь? – спросил он.

– Наше присутствие в околоземном пространстве крайне нежелательно, – сухо ответил Рашен.

– По-моему, нас убить хотят, – предположил начальник штаба. – Или, как минимум, подставить. Чего это он сказал – «последний»? Может, предупредить решил?

– По сведениям из конфиденциальных источников, корпоративная солидарность не характерна для господина адмирала флота, – пробубнил Рашен.

– Очнись, Алекс! – попросил Эссекс.

– А ты попридержи свою манию преследования, – парировал тот. – Отстань. Занят я. Думаю.

– Господин адмирал, сэр! – позвал сзади Мозер. – Хотите, я внизу задержусь? До вечера. Поговорю с народом, может, выясню что-нибудь.

– Ничего ты не выяснишь, – помотал головой Рашен. – Нас точно продали. Но кто, за сколько и кому... Готов поспорить, этого не знает даже Кёниг.

– И что же нам теперь делать? – осторожно спросил Эссекс, втайне надеясь, что у командира есть идеи.

– Выполнять приказ, – вздохнул Рашен.

Налетевшим порывом ветра с головы Эссекса сбило фуражку и покатило через плац. Изя Мейер бросился за головным убором вдогонку.

– Еще одна дурная примета, – только и сказал Эссекс, глядя, как Изя бегает за скачущей по бетону фуражкой, а та от него уворачивается, будто живая. – Заболеть, что ли?

– Даже если мы упрямся, а нас за это разжалуют и посадят, – неожиданно заявил Рашен, – группа все равно уйдет к Марсу. Только мы с тобой утратим за ней контроль. Вот и вся разница.

– Что за пораженческие настроения, Алекс! – возмутился начштаба. – Нам группу бросать нельзя. С тех пор, как сократили заместителей...

– И это тоже было сделано нарочно! – выпалил Рашен.

Эссекс принял у запыхавшегося Мейера фуражку, критически ее оглядел и решил на голову не надевать.

– Изя, – сказал он. – Дуй за выпивкой. И возьми-ка ты не ящик, а два. Кто его знает...

– Шеф, а нам? – спросил Рашена Мозер.

– Не хочу, – отрезал тот. – Надоело.

– Пожалеете еще, – упрекнул его адъютант.

Рашен одарил Мозера свирепым взглядом через плечо, тяжело вздохнул и полез в карман за бумажником.

* * *

В тесную библиотеку «Тушканчика» помимо двух соревнующихся вахт набилось еще человек сорок. Люди сидели на столах и в проходах, многие стояли. Фокс, важно разгуливая за спинами навигаторов и оттирая животом болельщиков, принимал ставки. Ива с трудом протолкалась к своему месту и через плечо Фокса посмотрела на его мобильный терминал.

– Почему так мало? – удивилась она. – Чтобы за моих – и всего один к двум?!

– Да, – согласился Фокс. – Ставят помногу, но коэффициент неважный. Это потому что у тебя Кристоф поведет. Молодой он еще. А если все-таки Марго явится, коэффициент опять изменится. Уж она-то против тебя годовой заработок ухнет, не пожалеет.

– Почему так мало за вахту Кендалл, сволочи?! – крикнула Ива, оборачиваясь к болельщикам.

– Ты не дави на общество, капитан, – посоветовала из толпы Линда. – А дави на кнопку и береги попку. Сейчас люфтваффе покажет твоему французику, как водят корабли.

– От винта! Асы в воздухе! – заорали вразнобой молодые голоса из задних рядов. – Дойч-ланд, Дойч-ланд!

– Вот ща как дам по толстой фашистской заднице! – пробасил кто-то, и голоса стихли.

– И вообще, лучше всех корабли водят евреи! – сообщили от дверей.

– Ого! Капитан Джозеф Мейер, какими судьбами? Здрасте, а я вас и не заметил...

– В гости зашел. Привет.

– Изя! Здорово, солнышко! Как жизнь половая?!

– Спасибо, Линда, хорошо. Только очень пассивно. То есть, наш славный начальник штаба имеет меня каждый день во все дырки...

– Ну да, тебя поимеешь! Ты сам натянешь кого угодно... – снова вступил непререкаемый бас.

– Разрешите пройти, господин капитан?

– Заходи. Эй! Постой! Вернер! Ты, что ли?!

– Ну, я. С кем имею честь?.. – хмуро спросил Вернер, осторожно проталкиваясь в дверь мимо увешанного парадными аксессуарами Мейера. Эндрю был в инструментальном нагруднике, из которого торчало железо, и он уже чем-то за

Мейера зацепился.

– Да это же Изя!!! – хором объяснили со всех сторон.

– Да хоть Мойша. Капитан, только не шевелитесь, а то я вам сейчас все побрякушки оборву.

– Да хрен с ними! Энди! Ты что, не узнал меня? Я Изя Мейер с навигационного!

Эндрю выдернул из мейеровских нашивок и орденов два зажима – «крокодила», аккуратно снял с пуговицы адъютанта намотавшийся провод и смог наконец-то поднять глаза.

– Изя? – удивился он. – Быть не может... Точно, Изя. Ну и ну! А я думал, тебя на «Скайуокере» того... – Эндрю заметно побледнел. Стоящие вокруг астронавты начали переглядываться.

– Цыц! – сказал Изя громким шепотом. – И ничего не «того». Ну, здорово!

– Здравствуй, – медленно произнес Эндрю, разглядывая Изю с непонятным для окружающих замешательством. – Ты извини, я тут должен... Ты меня найди после, ладно?

– Обязательно. Слушай, Энди, а ты почему всего лейтенант?

– Потом расскажу, – пообещал Эндрю, продираясь сквозь толпу к линии терминалов. Вид у него был по-прежнему довольно обескураженный. Добравшись до кресла Ивы, Эндрю схватился за его спинку и остановился, переводя дух. Ива заметила, как побелели его пальцы, намертво вцепившиеся в мягкий пластик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.